

Общій богословскій взглядъ на исторію древне-церковной иконографіи.

(Речь, произнесенная на годовичномъ актѣ Киевской духовной Академіи 28-го сентября 1879 г. экстраординарнымъ профессоромъ
Θ. Смирновымъ).

Высокопреосвященнѣйшій Владыко и

Мм. Гг.!

Въ день настоящаго торжества Академіи, исполняя порученіе академическаго Совѣта, я намѣренъ обратить просвѣщенное вниманіе ваше на исторію древнецерковной иконографіи, рассматривая ее, конечно, только вообще, и притомъ съ богословской точки зрѣнія.

Древнецерковная иконографія, въ своемъ постепенномъ развитіи и образованіи, обуславливалась съ одной стороны дохристіанскими воззрѣніями на изображенія и значеніемъ послѣднихъ въ дѣлѣ религіознаго образованія у языческихъ народовъ, съ другой—развитіемъ и образованіемъ церковнаго вѣроученія.

Въ дохристіанскомъ мірѣ находимъ господствующими два существенно различныя воззрѣнія на изображенія въ области религіи, опредѣлявшіяся однимъ и тѣмъ же понятіемъ о Богѣ, какъ существѣ невидимомъ.

„Богъ невидимъ—слѣдовательно не можетъ и не долженъ быть изображаемъ внѣшнимъ образомъ“, — таковъ принципъ іудейства, и на немъ основывалась заповѣдь Моисея, запрещающая всякія изображенія, и отвращеніе іудеевъ къ послѣднимъ.

„Богъ невидимъ—слѣдовательно, чтобы приблизить Его къ себѣ мы имѣемъ нужду въ видимыхъ представителяхъ, въ чувственныхъ символахъ Его“,—таково было основное представленіе въ язычествѣ и на немъ основывался столь любимый у язычниковъ культъ изображеній, различныя формы которыхъ обуславливались лишь различіемъ мнѣній, какъ наилучше представлять божество внѣшнимъ образомъ.

Для народовъ стоявшихъ на низшей ступени развитія, внѣшняя форма казалась безразличною и они употребляли въ качествѣ изображеній божества простые чурбаны, съ едва намѣченною головою. Но было бы несправедливо на основаніи такого рода изображеній заключать, что эти первобытные народы и самое божество представляли себѣ въ такой формѣ. Помимо того, что въ періодъ дѣтства, полного свѣжей, здоровой жизни, свободно дѣйствовавшая фантазія многое восполняла и исправляла,—такого рода изображенія должны были служить лишь представителями божества, внѣшними символами и залогомъ его близости, и изъ употребленія такихъ грубыхъ средствъ чувственного представленія божества, напротивъ, можно заключать, что эти народы самое божество представляли себѣ именно какъ существо невидимое и не подлежащее изображенію. Благодаря этому они были собственно ближе къ истинному богопочтенію, чѣмъ напр. солнцепоклонники, не имѣвшіе никакихъ кумировъ, а поклонявшіеся солнцу. При взглядѣ на кумиръ, какъ на символъ невидимаго божества, достоинство различныхъ формъ его опредѣлялось не красотою, а тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производилъ кумиръ, какъ представитель божества, на религіозное чувство народа, и тѣмъ успѣхомъ, какой имѣлъ онъ у послѣдняго. Такъ еще и въ настоящее время нѣкоторые нехристіанскіе народы употребляютъ то одинъ, то другой образъ божества, и тотъ, который оказывается наиболѣе полезнымъ при употребленіи, становится главнымъ кумиромъ и остается таковымъ до тѣхъ поръ, пока будетъ удовлетворять религіозному чувству народа.

взглядъ на исторію древне-церковной иконографіи. 343

Иное дѣло у народовъ, стоящихъ на высшей ступени духовнаго развитія. Они не довольствуются тѣмъ, чтобы имѣть какой-нибудь символъ божества, но этотъ символъ долженъ по возможности соответствовать ихъ религіозному представленію и въ то же время долженъ имѣть извѣстное дидактическое значеніе. Такъ у египтянъ и индійцевъ, какъ скоро они хотѣли возможно полнѣе выразить въ своихъ изображеніяхъ различныя свойства божества и въ каждомъ изображеніи имѣть въ то же время, такъ сказать, компендіумъ религіознаго ученія, произошли чудовищныя изображенія, которыя обыкновеннаго зрителя наполняютъ ужасомъ и отвращеніемъ, тогда какъ философъ религіи открываетъ въ нихъ верѣдко глубокомысленную иероглифическую группу, въ основѣ которой лежитъ еще болѣе глубокомысленный міръ. — У египетскаго, какъ и у индійскаго художника, навѣрное хватило бы настолько техническаго умѣнья, чтобы воспроизвести прекрасный человѣческій образъ; но они хотѣли, чтобы ихъ изображенія были лучше дидактически точными и вѣрными, чѣмъ эстетически прекрасными. Потому то и въ позднѣйшее время еще изображеніе египетскаго жреца напр., представляя вполнѣ человѣческую фигуру, для обозначенія его духовнаго сана снабжается ястребиною головою. Тѣмъ болѣе этотъ символическій характеръ присвоенъ изображеніямъ боговъ и хотя въ основаніи ихъ лежала человѣческая фигура, ею одною не удовлетворялись. Древнѣйшія изображенія боговъ египтянъ представляютъ маленькія фигуры, съ большимъ животомъ, съ широко открытыми устами, несоразмѣрно большими глазами и ушами, плотно прижатыми короткими руками и едва замѣтными ногами. Очевидно, эти уроды были лишь результатомъ и чувственнымъ выраженіемъ религіозно философской спекуляціи. Надувшійся животъ долженъ былъ напоминать всегда производящую творческую силу, широко открытыя уста, большіе глаза и уши—духовную природу всевидящаго и всеслышащаго божества, а едва замѣтныя

Труды Киевск. Академіи, 1879 г. т. III.

руки и ноги наглядно выражаютъ мысль, что оно для осуществленія своихъ предначертаній не нуждается, подобно человѣку, въ этихъ наружныхъ органахъ движенія и дѣйствія. Тоже нужно сказать объ изображеніяхъ индійскихъ боговъ, съ нѣсколькими головами, со множествомъ рукъ и ногъ. Въ своихъ чудовищныхъ многоголовыхъ, многорукихъ и многоногихъ изображеніяхъ индусы видятъ наиболѣе пригодное средство представленія невидимаго и, по ихъ сознанію, неподлежащаго изображенію, божества, чѣмъ въ прекрасной человѣческой фигурѣ; и потому индусъ охотнѣе станетъ преклоняться предъ ними, чѣмъ предъ изображеніемъ существа, ему подобнаго.

Даже у грековъ на первыхъ порахъ замѣчаемъ нѣчто подобное. Но съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія религіознаго сознанія и сознанія человѣческой личности, все больше и больше вырабатывалось мнѣніе, что для образнаго представленія божества человѣческой образъ наиболѣе пригоденъ, что прекраснѣйшая человѣческая форма въ то же время есть самый приличный образъ божества. Какъ скоро путемъ философіи дошли до сознанія, что человѣкъ есть носитель идеи божества, естественно не могли удовлетворяться грубыми представленіями божества: выражать духовное превосходство божества надъ людьми посредствомъ увеличенія размѣровъ человѣческаго тѣла и его членовъ или чрезъ умноженіе послѣднихъ, считали недостойнымъ божества. Греки сознавали, что только нравственно-добрый человѣкъ есть отображеніе божественнаго существа и что при чувственномъ представленіи послѣдняго главное—высочайшее совершенство въ нравственномъ отношеніи. Но для грека добродѣтель и красота понятія такъ существенно родственныя, что онъ, даже въ обыкновенной жизни, о каждомъ хорошемъ человѣкѣ, который ему нравился, всегда употреблялъ выраженіе «*καλός καὶ ἀγαθός*». Нравственное совершенство боговъ такимъ образомъ, по понятіямъ грековъ, могло быть выражено не иначе, какъ чрезъ представленіе человѣческаго

ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРИЮ ДРЕВНЕЦЕРКОВНОЙ ИКОНОГРАФІИ. 345

образа въ совершенной красотѣ и гармоніи; ибо боги свободны отъ страстей, которыя часто портятъ черты лица самаго прекраснаго и искажаютъ его выраженіе, равно какъ неприкосновенны для болѣзни и страданія, для скорби и печали, и неподвержены вліянію старости. Въ формѣ совершеннѣйшей человѣческой красоты можетъ быть выражено чувственнымъ образомъ не только божественное совершенство въ нравственномъ отношеніи, въ противоположность поврежденности людей, но и то, что боги выше всѣхъ страданій и недостатковъ, которые обыкновенно считаются существенными признаками несовершеннаго земнаго бытія, но которые собственно должны быть признаваемы слѣдствіемъ и остаткомъ нравственной порчи. Выражаясь короче, при созданіи изображеній боговъ греческимъ художникомъ руководила идея святости, хотя, быть можетъ, лишь смутно предносившаяся его сознанію, и это то было собственно причиною, почему греки достигли въ области искусства недостигаемой высоты. Художника одушевляло желаніе представить божество въ возможно достойной формѣ, но такую формою являлась ему совершенная человѣческая красота, и это побуждало его съ неустанною ревностію изучать ея формы и законы, пока удавалось ему представить внѣшнимъ образомъ идеаль, предносившійся его внутреннему созерцанію.

Но чѣмъ больше при этомъ выигрывало искусство, тѣмъ больше должно было терять религіозное образованіе. У египтянъ и индійцевъ, у которыхъ изображенія боговъ были не больше какъ іероглифическими знаками и символами, это значеніе ихъ было тѣмъ яснѣе, чѣмъ безобразнѣе и отвратительнѣе они были. У грековъ и римлянъ, напротивъ, божественное превосходство и человѣческая красота до такой степени сливались другъ съ другомъ, нравственное значеніе прекрасныхъ формъ до такой степени ступеновывалось, что терялось всякое различіе между богами и людьми и народъ не зналъ, что думать о своихъ богахъ, особенно

когда въ праздничные дни ему показывали, какъ настоящую святыню, совсѣмъ другіе, болѣе безобразные, но несравненно больше чтимые образы боговъ. Ничего нѣтъ удивительнаго послѣ этого, что лучшая часть народа уклонялась отъ всякаго серьезнаго разсужденія о божественныхъ вещахъ и равнодушно относилась къ своимъ богамъ. Посѣщали въ праздничные дни храмы лишь потому, что этого требовали законы государства и общественное мнѣніе вмѣняло въ обязанность каждому гражданину, присутствовали при богослужебныхъ обрядахъ по обычаю, и если что думали о религіозныхъ вещахъ, то держали про себя, обыкновенно же старались не думать о нихъ вовсе, считая это дѣломъ жрецовъ и философовъ.

Если сравнивать язычество въ томъ видѣ, какъ является оно у грековъ въ образахъ ихъ боговъ, съ іудействомъ и его строгимъ запрещеніемъ всякихъ изображеній, то существенное отлччіе одного отъ другого составляетъ рѣшительная противоположность между духомъ и чувственностью.

Въ іудействѣ преобладалъ духъ, придававшій преимущественное значеніе абстрактной теоретической истинѣ: признавая божество чисто духовнымъ, сверхчувственнымъ существомъ и потому неподлежащимъ представленію ни чрезъ какія чувственные формы, онъ отвергалъ всякія изображенія, употребленіе ихъ считая погрѣшностью противъ истины, отпаденіемъ отъ Бога, идолослуженіемъ.

Въ язычествѣ, напротивъ, преобладала чувственность: чтобы представить божество въ его духовномъ совершенствѣ она нуждалась въ совершенныхъ чувственныхъ формахъ и для представленія духовно - совершеннѣйшаго существа требовала совершеннѣйшей эстетической красоты.

Тамъ и здѣсь въ основѣ лежитъ сознаніе, что чело-вѣкъ есть образъ Божій, съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что въ іудействѣ духовно понимали то, что въ язычествѣ понималось чувственно.

взглядъ на исторію древне-церковной иконографіи. 347

Такимъ образомъ іудейство съ его духовною истиною, съ отрицаніемъ всякихъ изображеній и его отвращеніемъ къ искусству, и изычество, съ его чувственною красотою, его образами боговъ и его художественнымъ совершенствомъ, стоятъ другъ противъ друга какъ двѣ крайности. Іудейство своимъ ученіемъ удовлетворяло духовнымъ потребностямъ человѣка; но оставляло неудовлетворенными потребности чувственныя. Этимъ объясняется обнаруживавшаяся по временамъ склонность массы народа къ идолослуженію, противъ котораго такъ сильно ратовали пророки. Изычество своими образами удовлетворяло чувственнымъ потребностямъ человѣка, но оставляло не удовлетворенными потребности духовныя. Отсюда грубое суевѣріе низшаго класса народа и не имѣвшій точки опоры скептицизмъ высшихъ классовъ, которые осмѣивали суевѣріе народа, но не имѣли въ замѣнъ его ничего прочнаго и вѣрнаго.

Нужно было примирить эти крайности, уничтожить непримиримую противоположность между духовнымъ и чувственнымъ, удовлетворить, и удовлетворить навсегда, потребности цѣлаго человѣка, который не есть ни чисто-духовное, ни чисто-чувственное существо, но то и другое вмѣстѣ. Какимъ образомъ и кто могъ сдѣлать это? Это могло быть сдѣлано только чрезъ соединеніе въ одномъ лицѣ божественнаго и человѣческаго, духовнаго и чувственнаго. Только Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ могъ и здѣсь быть посредникомъ и примирителемъ: только въ Немъ могли найти примиреніе одностороннее стремленіе къ абстрактно-духовному въ іудействѣ и конкретно-чувственному въ изычествѣ; только Онъ могъ установить между истиною и красотою тотъ союзъ мира, изъ котораго потомъ возникло христіанское искусство. Дѣло примиренія и здѣсь совершилъ Онъ чрезъ свою смерть. Объявивъ себя на судѣ Сыномъ живаго Бога, Онъ не только разрушалъ заповѣдь противъ всякихъ изображеній, но совершалъ преступленіе, по мнѣнію

іудеевъ превышавшее безбожіе: Онъ Самъ являлся живымъ, вѣчностнымъ образомъ невидимаго единого Бога, которому одному принадлежитъ поклоненіе, и такъ сказать похищаль у Него честь. За эту-то „хулу“, какъ выразился первосвященникъ, Онъ и осужденъ на смерть. Его крестная смерть въ глазахъ іудеевъ была лишь наказаніемъ за богохульство и потому распятый былъ для нихъ предметомъ соблазна.

Язычники легче могли бы примириться съ явленіемъ Бога въ человѣческомъ образѣ, такъ какъ идея о явленіи боговъ на землѣ въ видимыхъ образахъ проходитъ чрезъ всю ихъ міѳологію и лежитъ въ основѣ ихъ изображеній. Но что Богъ, которому одного мановенія достаточно, чтобы уничтожить всѣхъ враговъ, такъ невѣроятно позволилъ Себя унижить, осудить на смерть и распять—этого они никакъ не могли себѣ представить, и потому вѣра въ Бога распятаго казалась имъ безуміемъ.

По обращенія въ христіанство взглядъ тѣхъ и другихъ долженъ былъ, конечно, измѣниться. На смерти Іисуса Христа основывалось значеніе Его воскресенія. Чтобы Христосъ воскресъ, нужно было, чтобы Онъ умеръ, и только смерть и воскресеніе вмѣстѣ примиряють, между прочимъ, и противоположность іудейства и язычества. Смерть служила доказательствомъ, что Воскресшій былъ истинный человѣкъ и этимъ уничтожалась для христіанъ изъ іудеевъ преграда между чисто духовнымъ, святымъ Богомъ и чувственнымъ, грѣшнымъ человѣкомъ. Воскресеніе, напротивъ, было неоспоримымъ ручательствомъ за то, что распятый и умершій, какъ человѣкъ, есть дѣйствительно истинный Богъ и такимъ образомъ тѣ, что въ языческихъ міѳахъ и изображеніяхъ боговъ было только баснею и ложью, для христіанъ изъ язычниковъ стало священною истиною. Явленіе божества въ человѣческомъ образѣ не было, какъ въ язычествѣ, фикціею поэта или художника, но несомнѣннымъ историческимъ фактомъ. Само собою разумѣется, что обратившіеся въ христіанство язычники, чѣмъ искреннѣе было ихъ обращеніе,

тѣмъ рѣшительнѣе отказывались отъ своихъ прежнихъ статуй и кумировъ; они охотно соглашались съ учителями церкви, когда послѣдніе называли ихъ прежній культъ служеніемъ діавола, а кумиры и статуи изображеніями демоновъ, которые въ теченіи вѣковъ держали людей въ узахъ страшнаго ослѣпленія, пока наконецъ пришелъ Христосъ, чтобы разрушить дѣла діавола.

Этого мало. Независимо отъ этого отвращенія къ прежнимъ образамъ боговъ, какъ скоро самъ Богъ явился во плоти, образъ потерялъ значеніе. Для христіанъ изъ іудеевъ получила новую силу древняя заповѣдь: „не сотвори себѣ кумира“. Христіане изъ язычниковъ живо помнили слова апостола: „не судихъ бо вѣдѣти что въ васъ точію Христа и сего распята“. Духовный образъ Примирителя живо сохранялся въ душахъ христіанскихъ и дѣлалъ излишними внѣшнія изображенія.

Но скоро или не скоро у христіанъ какъ изъ язычниковъ, такъ и изъ іудеевъ не могло не пробудиться желаніе имѣть образъ своего Спасителя. У нихъ невольно возникалъ вопросъ: „въ какомъ видѣ явился на землѣ Тотъ, Кто соединилъ въ себѣ небо и землю, божество и человѣчество? Таковъ ли Онъ былъ во всемъ, какъ всѣ люди, или же превосходилъ всѣхъ своею красотою?“

Вопросы эти все больше и больше получали силу по мѣрѣ того, какъ духовный образъ Спасителя въ умахъ нѣкоторыхъ затемнялся и пламень вѣры, одушевлявшій христіанъ, у нѣкоторыхъ остывалъ. Учителя церкви поставляемы были иногда въ немалое затрудненіе, когда приходилось отвѣчать на такого и подобнаго рода вопросы, не потому только, что черты лица Спасителя не сохранены письменно (описанія внѣшняго вида Спасителя относятся къ поздѣйшему времени), но главнымъ образомъ потому, что такой или иной отвѣтъ могъ имѣть такое или иное вліяніе даже на направленіе христіанства и его вѣроученія. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы они отвѣтили, что Онъ и по внѣшнему

виду былъ прекраснѣе всѣхъ, какъ и думали нѣкоторые, относя къ Нему слова псалмопѣвца: «краснѣйшій добротою паче сыновъ человѣческихъ», то легко могло случиться, что едва подавленный чувственный элементъ язычества могъ бы ожить снова и получить господство въ христіанствѣ. Не менѣе опасности было бы, если бы они отвѣтили, что образъ Спасителя въ силу Его божественнаго достоинства выше всякаго сравненія и описанія и не можетъ быть изображенъ ни рѣзцомъ, ни кистью: такой отвѣтъ могъ бы быть истолкованъ въ пользу мнѣнія гностическихъ докетовъ, которые приписывали Христу, вмѣсто дѣйствительнаго тѣла изъ плоти и костей, духовное, призрачное тѣло, которое онъ могъ принимать и оставлять, смотря потому хотѣлъ Онъ быть видимъ или невидимъ. Одинаковая опасность угрожала, если бы отцы церкви, отвергая это еретическое мнѣніе, стали утверждать, что Іисусъ Христосъ по вѣшнему виду ничѣмъ не отличается отъ другихъ людей и что Онъ, такъ же какъ и они, можетъ подлежать изображенію. Въ такомъ случаѣ въ ихъ мнѣніи могли бы находить поддержку карпократіапе, которые вопреки церковному ученію дѣлали различіе между человѣкомъ Іисусомъ и праведнымъ эономъ Христомъ, который соединился съ нимъ только при крещеніи во Іорданѣ; изображенія, которыя уже были въ употребленіи у нихъ, могли служить имъ доказательствомъ, что Іисусъ былъ дѣйствительно простой человѣкъ. При такихъ обстоятельствахъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, ничего больше не оставалось, какъ сказать, — какъ и говорили нѣкоторые, — что Христосъ по вѣшнему виду былъ незраченъ, что Онъ, какъ предсказалъ пророкъ, не имѣлъ ни вида, ни доброты, и что хотя Онъ, какъ чуждый грѣха и святой, имѣлъ пріятное лице, но и въ этомъ отношеніи Онъ принялъ клятву грѣха.

Такія объясненія могли, конечно, значительно ослабить желаніе — имѣть изображеніе Спасителя, но не могли совершенно его уничтожить. Потребность въ видимомъ, вѣшнемъ

изображеніи Его была слишкомъ сильна, чтобы не искать удовлетворенія какимъ бы то нибыло путемъ. И вотъ стали изображать сначала драгоцѣнное имя Спасителя то въ видѣ монограммы, состоящей изъ двухъ начальныхъ буквъ имени Іисуса Христа, то посредствомъ греческаго названія рыбы—*ἰχθῆς*, буквы котораго составляютъ начальные буквы словъ: Іисусъ Христосъ Сынъ Божій Спаситель (*Ἰησοῦς Χριστὸς θεοῦ υἱὸς σωτήρ*). Отъ этого символическаго письма перешли къ символическимъ изображеніямъ. Стали изображать Іисуса Христа подъ видомъ добраго пастыря, рыбы, агнца, виноградной лозы и проч., къ которымъ присоединяли символы, выражавшіе отношеніе вѣрующихъ къ Спасителю, ихъ вѣру и упованіе на Него, отношенія вѣрующихъ между собою и ихъ нравственныя качества. Древнимъ христіанамъ тѣмъ естественнѣе было обратиться къ этимъ символамъ, что они были знакомы имъ и представляли готовыя художественныя формы. Съ другой стороны такія изображенія тѣмъ меньше могли встрѣчать возраженія со стороны церкви, что художникъ въ этомъ случаѣ пользовался образами Св. Писанія и его образный языкъ переводилъ на языкъ художественный, облакалъ въ художественные образы. Притомъ этотъ символически—художественный языкъ вполне гармонировалъ съ образнымъ объясненіемъ истинъ вѣры и нравственности, преобладавшимъ въ отеческой литературѣ первыхъ вѣковъ. Символическія изображенія поэтому могли самымъ позволительнымъ образомъ удовлетворять желанію имѣть виѣшнее средство нагляднаго представленія высокихъ духовныхъ идей христіанства.

Но такого рода изображенія не могли долго удовлетворять, потому что могли вести къ недоразумѣніямъ и перетолкованіямъ со стороны враговъ христіанства. Агнецъ напр. служилъ для христіанина лишь напоминаніемъ и олицетвореніемъ библейскихъ словъ: „се Агнецъ Божій вземлай грѣхи міра“. Но благоговѣніе, съ какимъ христіане относились къ символу примиренія между Богомъ и міромъ,

враждебные іудеи могли истолковать въ смыслъ почитанія животнаго и могли трактовать христіанъ какъ секту, отдѣлившуюся отъ іудейства лишь для того, чтобы возвратиться къ древнему египетскому культу животныхъ, и въ такомъ случаѣ язычники охотнѣе предпочли бы поклоняться своимъ прежнимъ человѣкообразнымъ изображеніямъ, чѣмъ изображенію животнаго.

Въ тяжкія времена гоненій опасеніе такого рода недоразумѣній отступало на задній планъ предъ болѣе дѣйствительными опасностями. Но когда послѣднія миновали, когда христіанская церковь достигла свободы и стала господствующею церковію, она не могла не позаботиться объ устраненіи, по возможности, поводовъ къ недоразумѣнію и объ устройствѣ своего внѣшняго положенія примѣнительно къ новымъ условіямъ. Недостаточно было того, что христіанское ученіе одержало побѣду надъ возраженіями іудейскихъ и языческихъ противниковъ. Чтобы удержать за собою пріобрѣтенное силою ученія господствующее положеніе, церковь должна была фактически упразднить не только іудейство, уже почти безсильное, но и язычество, которое, потерявши поле борьбы въ области ученія, еще сильно было своимъ культомъ. Для окончательной побѣды она должна была уравновѣсить средства. Ей нужно было такое внѣшнее устройство, которое бы внушало благоговѣніе какъ іудеямъ, такъ и язычникамъ, которое бы обратившемуся въ христіанство іудею наглядно показывало, что христіанство есть исполненіе его прежнихъ завѣтныхъ чаяній и стремленій и которое привлекало бы взоръ и сердце язычника, привыкшаго читать въ знакомыхъ ему образахъ и картинахъ живыя повѣсти о своихъ богахъ и герояхъ; въ замѣнъ этихъ ложныхъ сказокъ она должна была представить монументальныя свидѣтельства новой истинной вѣры.

Литературная борьба съ іудействомъ въ области ученія, въ которой христіане путемъ всей ветхозавѣтной исторіи старались доказать мессіанское достоинство Іисуса Христа, незамѣтно, самымъ естественнымъ образомъ вызвало

цѣлый рядъ изображеній полусимволическаго и полуисторическаго характера,—разумѣемъ изображенія ветхозавѣтныхъ событій, каковы: грѣхопаденіе первыхъ людей, жертвоприношеніе Авраама, Моисей, изводящій воду изъ скалы и др., которыя, по своей внѣшней сторонѣ представляя дѣло Божіе во времена ветхаго завѣта, по внутреннему своему значенію были прообразами событій новаго завѣта. Переходъ къ этимъ исключительно христіанскому искусству свойственнымъ изображеніямъ составляетъ важный шагъ въ исторіи христіанской иконографіи.

Въ самомъ дѣлѣ, оставаясь при прежнемъ исключительно-символическомъ направленіи, христіанская иконографія легко могла бы, при изображеніи историческихъ событій, впасть въ египетскую манеру изображенія. Такъ если бы, при изображеніи крещенія Христова, Св. Духъ былъ изображаемъ въ видѣ голубя, Іисусъ Христосъ въ видѣ агнца, а Богъ Отецъ посредствомъ словъ: „Ты Сынъ Мой возлюбленный“, какъ иногда и дѣлалось, то цѣлое мало чѣмъ отличалось бы отъ египетскаго іероглифическаго образнаго письма; равно какъ извѣстныя символическія изображенія Евангелистовъ напоминали бы чудовищныя изображенія индійцевъ и египтянъ. Чтобы избѣжать этого, оставалось бы одно изъ двухъ или отвергнуть всякія изображенія или довольствоваться прежними простыми символами. Но устранить всякія изображенія значило бы сдѣлать уступку іудейству. Что же касается простыхъ символическихъ знаковъ, то они не были обезпечены отъ перетолкованій и не удовлетворяли все сильнѣе пробуждавшемуся въ области искусства христіанскому духу и все больше сознававшейся въ церкви потребности въ такого рода изображеніяхъ, которыя бы служили общедоступнымъ средствомъ для назиданія и укрѣпленія въ вѣрѣ.

Вышеназванныя изображенія являлись самыми подручными и цѣлесообразными. Вся исторія израильскаго народа была, съ христіанской точки зрѣнія, величественною

прообразовательною исторіею того, что имѣло совершиться во времена новаго завѣта. Поэтому христіанскому художнику всего естественнѣе было представлять взору христіанъ тѣ событія, которыя записаны въ св. Писаніи, какъ прообразы, нашедшіе свое исполненіе въ христіанствѣ, тѣмъ больше, что въ отношеніи къ этимъ изображеніямъ не могло быть никакихъ недоразумѣній.

Но само собою разумѣется, что изображенія ветхозавѣтныхъ событій сами по себѣ не могли вполнѣ удовлетворять христіанъ; они въ свою очередь служили лишь переходною ступенію къ изображеніямъ собственно историческимъ. Помимо того, что эти полусимволическія и полужисторическія изображенія, по своей природѣ, уже требовали дополненія, постепенный переходъ изъ области полемики къ положительному раскрытію и уясненію христіанства выдвигалъ на первый планъ событія евангельской исторіи. Дать послѣднимъ монументальное выраженіе и поставить въ мысленное соотношеніе съ ветхозавѣтными событіями—это представляло высокій интересъ для христіанскаго художника и вполнѣ достойную задачу для искусства. Изображенія событій новаго завѣта въ связи съ событіями ветхозавѣтными самымъ позволительнымъ образомъ удовлетворяли чувство изящнаго, знакомили народъ съ содержаніемъ ветхаго и новаго завѣта, давали возможность христіанамъ наглядно видѣть внутреннюю связь между временами предсказанія и исполненія, и часто внушительнѣе и краснорѣчивѣе говорили сердцу, чѣмъ проповѣдникъ своими проповѣдями.

На этомъ, однако, не могла остановиться христіанская иконографія. У язычниковъ главную святыню составляли статуи боговъ и героевъ. Не должна ли была христіанская церковь и въ этомъ отношеніи представить соотвѣтствующую замѣну? Не имѣла ли она своихъ героевъ, и притомъ болѣе славныхъ, потому что врагъ, противъ котораго они побѣдоносно сражались, несравненно могущественнѣе и

борьба гораздо труднѣе?.. Удивительно ли, что и христіане мало по малу память апостоловъ, мучениковъ и другихъ досточтимыхъ мужей стали чтить и передавать потомству, если не посредствомъ статуй, такъ какъ этимъ слишкомъ замѣтно сближались бы съ язычествомъ, то чрезъ менѣе пластичныя живописныя изображенія.

Такимъ образомъ въ четвертомъ вѣкѣ уже христіанскіе храмы украшались разными изображеніями. Кромѣ креста и другихъ христіанскихъ символовъ предъ взоромъ вѣрующихъ развѣртывалось множество свящ. картинъ изъ ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи и среди ихъ изображенія апостоловъ и нѣкоторыхъ мучениковъ.

Но всему этому украшенію довольно долго еще недоставало самаго дорогаго и самаго священнаго образа— образа Іисуса Христа. Рука художника — христіанина не дерзала изобразить Богочеловѣка. И это понятно. Въ какомъ бы видѣ онъ ни представилъ Его образъ, послѣдній совпалъ бы съ однимъ изъ древнихъ образовъ боговъ и это произвело бы соблазнъ. Съ другой стороны художника удерживало чувство благоговѣнія предъ высотой и святостію божественнаго образа и чувство безсмія воспроизвести достойно этотъ образъ. Правда, при изображеніи событій изъ жизни Спасителя волей-неволей приходилось изображать и Его образъ; но то былъ не личный образъ, а скорѣе олицетвореніе, символъ божественнаго слова. Попытки же конкретно-историческаго изображенія Спасителя относятся къ сравнительно позднему времени. При томъ, и самый вопросъ: »можно ли изображать Его« долго еще оставался безъ отвѣта и едва ли скоро нашли бы на него отвѣтъ, если бы не сдѣлались извѣстными древніе живописные образы Іисуса Христа, съ опредѣлительнымъ преданіемъ, что они не обыкновеннымъ способомъ написаны, но что самъ Христосъ отпечатлѣлъ лице свое на убрусѣ. Почти одновременно съ ними позучилъ извѣстность образъ Божіей Матери, съ преданіемъ, что онъ написанъ еванге-

истомъ Лукою. Могли ли быть приняты церковію эти изображенія съ сопровождавшимъ ихъ преданіемъ?

По поводу этого вопроса возникъ споръ, перешедшій въ послѣдствіи въ упорную борьбу. Одни были противъ этихъ изображеній. Если эти образы Спасителя, — говорили они, — представляютъ Его только по человѣческой природѣ, то они могутъ служить подспорьемъ ереси Несторія, раздѣлявшаго два естества во Иисусѣ Христѣ; если же они представляютъ Его по божественной и человѣческой природѣ вмѣстѣ, то они могутъ благопріятствовать ереси Евтихія, который два естества соединилъ въ одну богочеловѣческую смѣшанную природу.

Но защитники ихъ возражали: если І. Христосъ былъ истинный человѣкъ, то Онъ, какъ и всѣ люди, можетъ быть изображаемъ по внѣшнему виду; отвергать это — значить отвергать въ тоже время, что Христосъ, будучи Богомъ, оставался въ тоже время истиннымъ человѣкомъ, и дѣлаться участникомъ евтихіанской ереси. Так. обр. признаніе изображеній І. Христа было фактическимъ доказательствомъ непринадлежности къ ереси Евтихія.

Тожѣ самое случилось съ изображеніями Богоматери. Несторій, какъ извѣстно, допускалъ лишь нравственное соединеніе двухъ естествъ во Иисусѣ Христѣ, а не личное, и сообразно съ этимъ Дѣву Марію называлъ не Богородицею, а Христородицею, тѣмъ самымъ лишая ее того высокаго почтенія, какое оказывала ей церковь. Изображенія Богоматери для его сторонниковъ не имѣли почти никакого значенія. Церковь, защищая догматъ рожденія Иисуса Христа отъ Дѣвы Маріи не какъ человѣка только, но какъ Богочеловѣка, съ неменьшею ревностію старалась защитить изображенія Богоматери, какъ фактическое выраженіе своей вѣры и требовала имъ подобающаго почтенія. Поэтому, кто оказывался противникомъ этихъ изображеній, тотъ признавался за несторіанина, а кто защищалъ ихъ, тотъ свидѣтельствовалъ тѣмъ, что онъ непричастенъ несторіевой ереси.

ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРИЮ ДРЕВНЕ-ЦЕРКОВНОЙ ИКОНОГРАФІА. 357

Такимъ образомъ иконы трактовались какъ монументальное выраженіе вѣры, борьба за изображенія была борьбою за правовѣріе, и греческая церковь по справедливости праздновала одержанную на соборѣ константинопольскомъ 842 г. побѣду надъ иконоборчествомъ какъ торжество православія.

Понятно послѣ этого, какъ неправы тѣ историки, которые хотятъ объяснять ревность, съ какою ратовали за иконы, наущеніемъ толпы монахами, употреблявшими будто бы всевозможныя средства, чтобы не лишиться доходовъ, какіе получали они частію отъ писанія иконъ, частію отъ чествованія ихъ народомъ. Мнѣніе это, по меньшей мѣрѣ, показываетъ недостаточное пониманіе церковной жизни того времени. Иногда, конечно, могло быть, что народъ не сознавалъ, почему онъ собственно ратовалъ за иконы. Но между защитниками иконъ были высокообразованные богословы, слишкомъ правдивые для того, чтобы защищать орудіе суевѣрія, и слишкомъ провидательные, чтобы покровительствовать тому, что этого не заслуживало. Эти люди должны были хорошо знать, за что они ратовали, если они готовы были на всякія жертвы. И не трудно понять, почему они это дѣлали. Въ самомъ дѣлѣ, иконы имѣли для христіанской церкви нѣкоторое значеніе уже вообще какъ отличный признакъ христіанства отъ іудейства и магометанства. Въ частности, изображенія ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ событій имѣли дидактическое значеніе, служили средствомъ назиданія: они самымъ легкимъ и доступнымъ образомъ знакомили простой, большею частію безграмотный народъ съ содержаніемъ свящ. писанія и были для него какъ бы книгами. Изображенія апостоловъ и мучениковъ кромѣ этого имѣли аскетическое значеніе; они должны были располагать народъ къ подражанію этимъ первообразами. Наконецъ, изображенія І. Христа и Божіей Матери,—которые и были главнымъ образомъ предметомъ спора,—имѣли, какъ мы видѣли, догматическое значеніе.

О художественномъ достоинствѣ тогда еще не было и не могло быть рѣчи. Изображенія Иисуса Христа, которымъ преданіе приписывало чудесное происхожденіе, изображеніе Богоматери, написанное, по преданію, евангелистомъ Лукою, стали вообще неизмѣнною нормою для всѣхъ такого рода изображеній. Съ ними долженъ былъ сообразоваться художникъ. Сверхъ того, вѣра въ чудодѣйственную силу молитвы предъ извѣстными изображеніями дѣлала такіа изображенія неприкосновенными. Задачу художника составляло возможно-точное копированіе изображеній наиболѣе древнихъ и наиболѣе священныхъ.

Художественный стиль древне-христіанской иконографіи, первоначально стоявшій въ связи съ началами классическаго искусства, подъ влияніемъ все больше и больше усиливавшагося въ христіанствѣ аскетическаго воззрѣнія на жизнь, мало по малу порывалъ эту связь, пока не сталъ въ рѣшительную противоположность съ ними въ византійской иконографіи. Классическая древность старалась низвести божество на землю, хотѣла имѣть его предъ глазами въ опредѣленной, конкретной формѣ. Всѣ усилія классическаго искусства направлены были къ тому, чтобы возможно полнѣе удовлетворить этому желанію. Безчисленное множество статуй, надъ которыми трудились гениальные художники не больше какъ попытки создать вполне достойный образъ божества. Чтобы показать красоту боговъ, съ нихъ снимали всякій покровъ. Христіанство, напротивъ, обращало взоръ своихъ исповѣдниковъ къ небу и только въ горячемъ стремленіи туда совѣтовало искать утѣшенія, мира и вѣчнаго счастья, и потому христіане со страхомъ относились къ пластической, чувственной обнаженной красотѣ греко-римскихъ боговъ, и къ самой пластикѣ, какъ служительница чувственности долго питали отвращеніе. Они предпочитали живопись, какъ менѣе матеріальную отрасль искусства. Но и здѣсь они чуждались формъ, полныхъ жизни и силы и избѣгали обнаженныхъ фигуръ, за исключеніемъ немно-

гихъ случаевъ, гдѣ этого требовало изображаемое событіе. Своего крайняго выраженія аскетическое воззрѣніе достигло въ византійской иконографіи. Тонкія, сухія фигуры, одѣтыя въ широкія одежды, съ блѣднымъ, строгимъ и изможденнымъ лицомъ, съ исхудалыми руками и ногами—таковы черты византійской иконографіи, въ которыхъ отпечатлѣлся образъ древняго благочестія, стрекавшагося отъ всего земнаго. Но чѣмъ больше св. лица на землѣ гнушались всякою роскошью, тѣмъ больше искусство старалось вознаградить ихъ за это на иконахъ, облачая ихъ въ драгоценныя одежды и окружая иногда чрезмѣрною пышностью; притомъ, чтобы по крайней мѣрѣ обозначить тотъ чудный свѣтъ, которымъ окружены они въ обителяхъ неба, ихъ изображали на сплошномъ золотомъ фонѣ, а головы окружали сіяніемъ.

Пока аскетическое міросозерцаніе сохраняло свою первоначальную жизненную силу, пока идеаль благочестія и святости, одушевлявшій византійскаго художника, сохранялъ свою первоначальную чистоту, опытная кисть могла придать вышеуказаннымъ чертамъ то нравственное величіе, которое внушало благоговѣніе и заставляло забывать недостатокъ художественной красоты. Но по той мѣрѣ, какъ съ теченіемъ времени все больше и больше обнаруживался разладъ между идеаломъ и жизнію, по той мѣрѣ, какъ вѣра и благочестіе смѣнялись наружною обрядностью, иконографія все больше и больше падала, прежніе величественные типы все больше и больше утрачивали свое прежнее величіе, пока упадокъ техники, въ связи съ меркантильными интересами, не довершилъ превращеніе величавыхъ древнихъ образовъ въ бездушныя, мертвенныя схемы, которыя не въ состояніи удовлетворить не только художественной критикѣ, но и больше или меньше развитому художественному вкусу, и въ которыхъ только вѣра и руководимая ею богословская наука признають и цѣнятъ дорогое наслѣдіе церковной древности.

ПРОПОВѢДНИКИ въ патріархатѣ константинопольскомъ.

въ малой азии.

Малую Азію, въ вѣкъ апостольскій и долго послѣ него, составляли слѣдующія области:

Въ сѣверной половинѣ ея, у Чернаго моря, 1) Вифонія съ главнымъ городомъ Никомидіею, 2) Пафлагонія съ Синопомъ, 3) Галатія съ Евхантомъ и Анкирою, 4) Понтъ съ городами Амасіею, Трапезунтомъ и Неокесаріею, и 5) Каппадокія съ Кесаріею и Ниссою;

Въ южной половинѣ, у морей Эгейскаго и Средиземнаго, I) большая область Асія и въ ней—Мисія съ Троею и Адрамити, Лидія съ семью апокалипсическими городами, Ефесомъ, Филадельфіею, Лаодикіею, Сардисомъ, Фіатирою, Смирною и Пергамомъ, Фригія съ Милетомъ, Синнадою, Колоссами и Іераполемъ, Памфилія съ Атталіею и Пергіею, Писидія съ Антиохіею, Ликаонія съ Иконіею, Листрою и Дервіею, и II) Киликія съ Селевкіею, Тарсомъ и Ларандою.

Во всѣхъ этихъ областяхъ и во многихъ городахъ тамошнихъ христіанство проповѣдано было тремя апостолами, Павломъ, Петромъ и Іоанномъ.

1. Павелъ съ сотрудникомъ своимъ Варнавою изъ Кипрскаго города Пафа пришелъ въ Памфилійскій городъ Пергію, а отсюда въ Антиохію Писидійскую. Здѣсь въ іудейской синагогѣ, въ день субботній, онъ проповѣдывалъ такъ:

„Израильтяне и боящіеся Бога! Послушайте. Богъ народа сего избралъ отцовъ нашихъ и возвысилъ сей народъ во время пребыванія ихъ въ египетской землѣ, и вознесенъ

проповѣдники въ патріархатѣ константинопольскомъ. 361

ною мышцею вывелъ ихъ изъ нея, и около сорока лѣтъ питалъ ихъ въ пустынь, и истребивъ семь народовъ въ землѣ Ханаанской, землю ихъ раздѣлилъ имъ по жребію. Послѣ сего около четырехъ сотъ пятидесяти лѣтъ давалъ имъ судей до пророка Самуила. Потомъ просили они царя; и Богъ далъ имъ Саула, сына Кисова, изъ племени Веніамина. Такъ прошли лѣтъ сорокъ. Отринувъ его, поставилъ имъ царемъ Давида, о которомъ свидѣтельствуя сказалъ: нашелъ я челоуѣка по сердцу моему, Давида сына Іессеева, который исполнить всѣ мои хотѣнія. Изъ его-то потомства Богъ по обѣщанію воздвигъ Израилю Спасителя Іисуса. Предъ самымъ явленіемъ Его, Іоаннъ проповѣдывалъ крещеніе покаянія всему народу Израильскому. Когда же Іоаннъ оканчивалъ свое служеніе, то говорилъ: за кого считаете вы меня? Я не Тотъ; но вотъ идетъ за мною, у котораго я недостойнъ развязать обувь на ногахъ. Вамъ, братія, дѣти рода Авраамова, и *боющимся Бога между вами*, послано Слово о семъ спасеніи. Ибо жители Іерусалима и начальники ихъ не узнали Его, и осудивъ, исполнили слова пророческія, читаемыя въ каждую субботу. Они, не найдя въ Немъ никакой вины *достойной* смерти, просили Пилата убить Его. Когда же исполнили все написанное о Немъ: то снявъ съ древа, положили Его во гробъ. Но Богъ воскресилъ Его изъ мертвыхъ. Въ продолженіи многихъ дней Онъ являлся тѣмъ, которые вышли съ нимъ изъ Галилеи въ Іерусалимъ, и которые нынѣ суть свидѣтели Его предъ людьми. И мы благовѣствуемъ вамъ, что *обѣщаніе*, данное отцамъ нашимъ, Богъ исполнилъ намъ, дѣтямъ ихъ, воскресивъ Іисуса. Такъ какъ и во второмъ псалмѣ написано: Ты мой сынъ. Я нынѣ родилъ тебя. А что воскресилъ Его изъ мертвыхъ такъ, что уже Онъ не обратится въ тлѣніе, о семъ сказалъ такъ: Я дамъ вамъ милости *обѣщанныя* Давиду вѣрно. Посему и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: не дашь Святому твоему увидѣть тлѣнія. Давидъ въ свое время, послуживъ изволенію Божію, почилъ и положенъ съ отцами своими, и

увидѣлъ тѣніе: а Тотъ, котораго Богъ воскресилъ, не увидѣлъ тѣнія. Итакъ, да будетъ извѣстно вамъ, братія, что чрезъ Него возвѣщается вамъ прощеніе грѣховъ. И во всемъ, въ чемъ не могли вы оправдаться чрезъ законъ Моисея оправдывается чрезъ Него всякій вѣрующій. Берегитесь же! чтобъ не пало на васъ сказанное у пророковъ: „смотрите, презрители, подивитесь и ужаснитесь; ибо я дѣлаю дѣло во дни ваши, дѣло, которому не повѣрили бы вы, ежели бы кто рассказывалъ вамъ“ (Аввак. 1, 5).

При выходѣ Павла и Варнавы изъ іудейской синагоги язычники просили проповѣдать имъ о томъ же въ слѣдующую субботу. Когда же собраніе было распушено; то многіе Іудеи и чтители Бога, обращенные изъ язычниковъ, послѣдовали за Павломъ и Варнавою, которые, разговаривая съ ними, убѣждали ихъ пребывать во благодати Божіей.

Въ слѣдующую субботу почти весь городъ собрался слушать Слово Божіе. Но Іудеи, увидя собравшійся народъ, исполнились завистію, и противорѣча и злословя, сопротивлялись тому, что говорилъ Павелъ. Тогда Павелъ и Варнава смѣло сказали: вамъ во первыхъ надлежало быть проповѣдану слову Божію, но такъ какъ вы отвергаете оное, и сами себя дѣлаете недостойными вѣчной жизни; то мы теперь обращаемся къ язычникамъ. Ибо такъ намъ повелѣлъ Господь: „Я поставилъ тебя свѣтомъ язычникамъ, чтобы ты былъ во спасеніе даже до послѣдняго края земли“. (Исаіи 49, 6). Язычники, слыша сіе, радовались и прославляли слово Господне, и увѣровали всѣ, которые были предуставлены къ вѣчной жизни. И слово Господне распространилось по всей области той. Но Іудеи, подстрекая противъ Павла и Варнавы набожныхъ и почетныхъ женщинъ и первыхъ въ городѣ, возбудили на нихъ гоненіе, и выгнали ихъ изъ своихъ предѣловъ. Они же, отрясши на нихъ прахъ отъ ногъ своихъ, пошли въ Иконію. Между тѣмъ ученики исполнялись радостію и Духомъ святымъ (Дѣян. XIII, 15—52).

Въ Иконіи пришли они вмѣстѣ въ іудейскую синагогу

ПРОПОВѢДНИКИ ВЪ ПАТРИАРХАТѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ. 363

и говорили такъ, что великое множество Іудеевъ и Еллиновъ увѣровало. Но невѣрующіе Іудеи возбудили и раздражили противъ братьевъ сердца язычниковъ. Впрочемъ они находились здѣсь довольно долго, и небоязненно проповѣдывали при помощи Господа, который во свидѣтельство слову благодати своей творилъ руками ихъ знаменія и чудеса. Между тѣмъ народъ въ городѣ раздѣлился; и одни были на сторонѣ Іудеевъ, а другіе на сторонѣ апостоловъ. Когда же язычники и Іудеи съ своими начальниками устремились на апостоловъ, чтобы обругать ихъ и побить камнями: тогда они, узнавъ о семъ, убѣжали въ Ликаонскіе города, Листру и Дервію, и въ окрестныя мѣста, и тамъ благоговѣствовали. Въ Листрѣ Павелъ исцѣлилъ хромого отъ рожденія, и оттуда удалился съ Варнавою въ Дервію. Проповѣдавъ евангеліе сему городу, и пріобрѣтши довольно учениковъ, они на возвратномъ пути опять были въ Листрѣ, Иконіи и Антіохіи, утверждая души учениковъ, увѣщавая ихъ пребывать въ вѣрѣ и поучая, что намъ должно многими страданіями достигать царствія Божія. Рукоположивъ такъ же имъ пресвитеровъ къ каждой церкви, они помолились съ постомъ, и поручили ихъ Господу, въ котораго они увѣровали. Потомъ прошли чрезъ Писидію, и пришли въ Памфилію. И проповѣдавъ слово Господне въ Пергіи, достигли Атталіи, а оттуда отплыли въ Антіохію (Сирскую) и тамъ жили не малое время съ учениками (Дѣян. XIV).

Послѣ іерусалимскаго собора апостоловъ (57 год.) Павелъ съ Силою проходилъ Сирію и Киликію, дошелъ и до Дервіи и Листры. Проходя же по городамъ оба они впускали вѣрующимъ соблюдать догматы, постановленные апостолами и пресвитерами въ Іерусалимѣ. Такимъ образомъ церкви утверждались въ вѣрѣ и умножались числомъ ежедневно. Прощедши чрезъ Фригію и Галатійскую страну, они не были допущены Духомъ святымъ проповѣдывать слово въ Асіи. А дойдя до Мисіи, хотѣли идти въ Виеннію; но Духъ удержалъ ихъ; и они пришли въ Троаду, и т. д. (Дѣян. XVI).

Сходявши въ Іерусалимъ и повидавшия съ тамошнею церковію, Павелъ возвратился въ Антиохію (Сирскую); но проведши тутъ нѣсколько времени, отправился и проходилъ по порядку страну Галатійскую и Фригію, утверждая всѣхъ учениковъ (Дѣян. XVIII, 22. 23).

Тогда нѣкто іудей, именемъ Аполлосъ, родомъ изъ Александріи, человекъ ученый и свѣдущій въ Писаніи, пришелъ въ Ефесъ. Онъ былъ наставленъ въ начаткахъ ученія Господня, и горя духомъ, говорилъ и училъ о Господѣ правильно, зная только Іоанново крещеніе. Онъ началъ необязненно говорить въ синагогѣ. Услышавъ его Аквила и Прискилла, приняли его, и подробнѣе изложили ему ученіе Господне (Дѣян. XVIII, 24—27).

Павелъ же, прошедши верхнія (выше названныя) страны, пришелъ въ Ефесъ, и найдя тутъ нѣкоторыхъ учениковъ, спросилъ ихъ: получили ли вы святаго Духа по увѣрованіи? Но они отвѣчали ему: мы даже и не слыхали, есть ли Духъ святой. Онъ сказалъ имъ: какъ же вы крестились? Они сказали: крещеніемъ Іоанновымъ. Павелъ сказалъ: Іоаннъ крестилъ крещеніемъ покаянія, проповѣдуя людямъ, чтобы вѣровали въ грядущаго по немъ, то есть во Христа Іисуса. И по возложеніи рукъ на нихъ Павломъ сошелъ на нихъ Духъ святой; и они стали говорить языками и пророчествовать. Всѣхъ ихъ было человекъ около двѣнадцати. Пришедши же въ синагогу, онъ необязненно проповѣдывалъ мѣсяца три, удостовѣряя о царствіи Божіемъ. Но какъ нѣкоторые ожесточались и не вѣрили и порицали ученіе предъ народомъ; то онъ, оставивъ ихъ, отдѣлилъ учениковъ, и ежедневно проповѣдывалъ въ училищѣ нѣкоего тиранна. Сіе продолжалось два года, такъ что всѣ жители Асіи слышали проповѣдь о Господѣ Іисусѣ, какъ іудей, такъ и еллины. Немалыя такъ же чудеса творилъ Богъ руками Павла... и возвеличиваемо было имя Господа Іисуса. Такъ же многіе изъ увѣровавшихъ приходили и исповѣдывались, открывая дѣла свои. А немало было и такихъ, которые, зани-

мавши тайными знаніями, снесли въ одно мѣсто книги, и сожгли при всѣхъ, цѣною, какъ оказалось по исчисленіи, на пятьдесятъ тысячъ драхмъ серебра. Такъ сильно возростало слово Божіе и дѣйствовало (Дѣян. XIX, 1—21).

Изъ Ефеса Павелъ ходилъ въ Македонію и Грецію, и опять въ Македонію, а отсюда въ Малую Азію. Здѣсь въ Троадѣ въ первый день недѣли, когда ученики собрались для преломленія хлѣба, онъ, вознамѣрясь въ слѣдующій день отправиться, бесѣдовалъ съ ними, и *продолжилъ слова до полуночи*. Въ продолженіи рѣчи Павла одинъ юноша, именемъ Евтихъ, сидѣвшій на окнѣ, погрузился въ глубокой сонъ, и сонный пошатнувшись, упалъ внизъ съ третьяго жилья, и поднять мертвый. Павелъ, сошедши внизъ, воскресилъ его, потомъ взошедши, преломилъ хлѣбъ и вкусилъ, и бесѣдовавъ довольно даже до разсвѣта, вышелъ, и отправился пѣшкомъ въ Ассъ, а отсюда отплылъ въ Митлину, на другой же день въ Хіосъ, на третій въ Самосъ, а въ слѣдующій въ Милетъ. Сюда онъ позвалъ пресвитеровъ Ефесской церкви и, когда они пришли къ нему, сказалъ имъ:

„Вы знаете, какъ я жилъ съ вами во все время, съ перваго дня, въ который пришелъ я въ Асію; служилъ Господу со всѣмъ смиреніемъ, со многими слезами, среди искушеній, случившихся со мною по злоумышленіямъ іудеевъ, и что я не пропустилъ ничего полезнаго, о чемъ бы не сказалъ вамъ, и чему бы не поучалъ васъ при народѣ и по домамъ. Я проповѣдывалъ іудеямъ и еллинамъ покаяніе и обращеніе къ Богу, и вѣру въ Господа нашего Іисуса Христа. И вотъ нынѣ, по влеченію Духа, иду я въ Іерусалимъ, не зная, что тамъ со мною встрѣтится; только Духъ святой по городамъ свидѣтельствуется мнѣ, что меня ожидаютъ узы и бѣдствія. Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнію, только бы совершить съ радостію свой путь и служеніе, которое принялъ я отъ Господа Іисуса, проповѣдать евангеліе благодати Божіей. И нынѣ вотъ я знаю, что всѣ вы, между которыми я ходилъ и проповѣдывалъ царствіе

Божіе, уже не увидите лица моего. И потому свидѣтельствую вамъ въ сей день, что неповиненъ я въ крови всѣхъ. Ибо я не упускалъ возвыщать вамъ всю волю Божию. Итакъ будьте внимательны къ себѣ и ко всему стаду, въ которомъ Духъ святый поставилъ васъ блюстителями пасти церковь Господа Бога, которую Онъ приобрѣлъ себѣ кровію своею. Ибо я знаю, что по отшествіи моемъ войдутъ къ вамъ лютые волки, не щадящіе стада, и что изъ васъ самихъ явятся люди, которые будутъ говорить превратно, дабы увлечь за собою учениковъ. Итакъ бодрствуйте, помня, что я три года непрестанно день и ночь со слезами поучалъ каждого изъ васъ. А нынѣ, братія, поручаю я васъ Богу и Его благодатному слову, могущему назидать васъ болѣе, и дать вамъ послѣдіе со всѣми освященными. Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни стѣ кого не пожелаю. Сами вы знаете, что нуждамъ моимъ и бывшимъ при мнѣ служили сіи руки. Во всемъ показалъ я вамъ, что такъ надобно, трудясь, поддерживать слабыхъ, и помнить слова Господа Іисуса; ибо онъ самъ сказалъ: болѣе блаженства въ томъ, чтобы давать, нежели чтобы брать“.

Сказавъ сіе, Павелъ палъ на колѣна и помолился со всѣми ими. Тогда всѣ пролили обильныя слезы, и повергаясь на выю Павлову, цѣловали его, скорбя наипаче о томъ словѣ, которое онъ сказалъ, что они уже не увидятъ лица его. И проводили его до корабля (Дѣян. XX).

Эта бесѣда сего апостола съ Ефесскими пресвитерами была послѣдняя проповѣдь его въ южной половинѣ малой Азіи. Однако онъ изъ Рима писалъ посланія къ тамошнимъ ученикамъ своимъ, именно, Ефесеямъ и епископу ихъ Тимоеею, Колоссянамъ, Галатамъ и Филимону. И эти посланія суть поучительныя и назидательныя проповѣди его.

2. Въ сѣверной половинѣ малой Азіи, именно, въ Вифиніи, Пафлагоніи и Понтѣ Павелъ не былъ. Тамъ христіанство возвыщено было іудеямъ и язычникамъ св. апостоломъ Петромъ. Это видно изъ перваго посланія его къ нимъ. Про-

ПРОПОВѢДНИКИ ВЪ ПАТРІАРХАТѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ. 367

читите сіе посланіе, и вы узнаете изъ него: что и что проповѣдывалъ онъ имъ. А я спѣшу сообщить вамъ два преданія объ апостольскихъ трудахъ Петра въ Малоазійскихъ городахъ, Амасія и Синопѣ. Амасійская въ Понтѣ церковь сохраняла преданіе о томъ, что сей первоверховный апостолъ основалъ ее до отшествія своего въ Римъ и рукоположилъ ей епископа Никиту. Жители города Синопа помнили, что онъ долго жилъ у нихъ вмѣстѣ съ святымъ Андреемъ первозваннымъ, и всѣмъ показывали каменные каеэды, съ которыхъ говорили поученія оба эти апостола (Hist. eccles. Euseb. L. III. c. 1.—Hieronym. de vir. illustr. c. 1.—Tillemont, Memoires eccles. T. I. p. 70).

3. Въ Ефесѣ послѣ Павла долго, долго, жилъ св. Іоаннъ Богословъ, и отсюда посѣщалъ сосѣднія церкви, Смирнскую, Пергамскую, Фіатирскую, Сардійскую, Лаодикійскую и Филadelphійскую. Въ Ефесѣ онъ издалъ свое евангеліе и свой апокалипсисъ, кои написалъ на островъ Патмосъ. Отсюда разошлись по церквамъ его посланія соборныя. Но это вы знаете и безъ меня. Посему я начинаю разглагольствовать съ вами о малонзвѣстныхъ проповѣдникахъ малоазійскихъ, предваривши васъ, что во второмъ вѣкѣ христіанскомъ хотя они и говорили умамъ и сердцамъ, но именъ ихъ не передала намъ церковная исторія, отмѣтившая на скрижаляхъ своихъ тогдашнихъ защитниковъ христіанства предъ римскими императорами, какъ то Мелитона Сардійскаго, Аполлинарія Іерапольскаго, Аѣинагора и Мильтіада. Изъ нихъ первый представилъ свою апологію императору Марку Аврелію въ 170 году, а второй въ 177-мъ, когда усилилось гоненіе на христіанъ (Tillemont, Mém. eccl. T. II. p. 144—147).

Въ третьемъ вѣкѣ, по сказанію церковнаго историка Евсевія, проповѣдывали слово Божіе способные къ тому міряне:

4. Въ Киликійско́мъ городѣ Ларандѣ Евелпидъ при тамошнемъ епископѣ Неонѣ;

5. Въ столицѣ Ликаоніи Иконіи Павлинъ при епископѣ Цельсѣ;

6. Въ Фригійскомъ городѣ Синнадѣ Θεодоръ при епископѣ Аттивѣ (Н. Е. Л. VI. с. 19). Ихъ проповѣди не дошли до насъ.

Изъ епископовъ же извѣстны какъ проповѣдники, Неокесарійскій Григорій чудотворецъ, и епископъ Понтійскихъ церквей Мелетій.

7. ГРИГОРІЙ, прежде именовавшійся Θεодоромъ, происходилъ изъ знатнаго семейства Неокесарійскаго. Отецъ его былъ нехристіанинъ. Θεодоръ получилъ хорошее образованіе для того, чтобы быть адвокатомъ. Изучивъ государственныя законы и латинскій языкъ, онъ рѣшился ѣхать въ Римъ, дабы тамъ лучше ознакомиться съ римскимъ законодательствомъ: но Провидѣніе Божіе устроило судьбу его по своему усмотрѣнію. Неожиданно Θεодоръ долженъ былъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Аѣинодоромъ проводить сестру свою въ Кесарію Палестинскую, гдѣ мужъ ея получилъ должность совѣтника. Здѣсь онъ познакомился (около 231 г.) съ Оригеномъ. Этотъ даровитѣйшій и многоученый наставникъ сперва заставилъ его искать разбросанныя въ философскихъ системахъ сѣмена истины, и пробудилъ въ немъ любовь къ ней, потомъ изложилъ ему догматы христіанскіе и объяснилъ св. Писаніе. Послѣ пятилѣтняго слушанія уроковъ у Оригена Θεодоръ крестился, и названъ былъ Григоріемъ. Отблагодаривъ наставника своего рѣчью, онъ возвратился въ Неокесарію, а отсюда удалился въ пустыню. Въ рѣчи же оной между прочимъ отзывался объ Оригенѣ такъ: „Я думаю, что Оригенъ училъ не иначе, какъ по внушенію Духа Божія. Ибо для того, чтобы быть пророкомъ и объяснять пророка, нужна Его сила; и никто не можетъ разумѣть пророка, если самъ Духъ Божій не сообщитъ разумѣнія своихъ словъ. Этотъ человекъ отъ Бога получилъ величайшій даръ быть преподавателемъ слова Божія людямъ и разумѣть оное такъ, какъ самъ Богъ раз-

ПРОПОВѢДНИКИ ВЪ ПАТРІАРХАТѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ. 369

умѣлъ, и изъяснять оное людямъ соотвѣтственно ихъ разумѣнію“ (Euseb. H. E. L. VI. 30. Hieronym. de vir. illustr. c. 165).

Изъ пустыни вызвалъ Григорія Амасійскій епископъ Федимъ и рукоположилъ его въ архіерейскій санъ для роднаго ему города Неокесаріи. Тутъ онъ засталъ только семнадцать христіанъ, а предъ смертію своею оставилъ только семнадцать идолопоклонниковъ, потому что всѣ прочіе Неокесарійцы приняли вѣру христіанскую. Смерть же постигла его въ 270 году.

Не упоминаю о твореніяхъ его, какъ то о символѣ вѣры, каноническомъ посланіи, и о краткомъ, но весьма полезномъ переложеніи Екклесіаста, а о *Похвальномъ Словѣ его Оригену* говорю охотно.

Это Слово превосходно по изяществу слога, и важно догматически. Въ немъ между прочимъ ясно говорится о божествѣ втораго лица св. Троицы и о послѣдственной порчѣ челоуѣковъ, а окончено оно молитвою къ ангелу хранителю.

Какъ въ этомъ Словѣ, такъ и въ благодарственной, прощальной, рѣчи Григорія видѣнъ Оригенъ, какъ въ зеркалѣ. „Сужденія сего учителя,—говорилъ Григорій,—были полны силы; но онъ излагалъ ихъ такъ пріятно, что невозможно было не увлекаться ими. Его бесѣды воспламеняли мое сердце, и порождали въ немъ сильную любовь къ ученію и къ учителю. Моя душа прилѣпилась къ его душѣ, какъ душа Іонаана къ душѣ Давида... Въ особенности онъ былъ превосходенъ въ разумѣніи священныхъ книгъ. Самъ Духъ святой избралъ его для толкованія своихъ священныхъ рѣчей. Никто, какъ бы ни былъ упоренъ, никто не противостоялъ ясности его доказательствъ. Благодаря искусству такого учителя, мы проникали въ самыя тайны этихъ божественныхъ книгъ, и находили въ нихъ обильный источникъ самыхъ удивительныхъ познаній. Въ содружествѣ этого великаго челоуѣка мы почерпали самыя чистыя, самыя дивныя радости.

Григорій Чудотворецъ въ своей рѣчи (Λόγος προσφωτ-

τιχός εις Ὁριγένην) подробно описалъ тѣ науки, кои онъ вмѣстѣ съ другими слушалъ у Оригена. Этотъ наставникъ прежде всего испытывалъ душевное настроеніе своихъ слушателей и заботливо старался внушить имъ любовь къ истинѣ и къ изслѣдованію ея, особенно къ изслѣдованію и изученію внутренняго міра и внутреннихъ стремленій человека и всего того, что должно составлять собственное благо человека. Затѣмъ онъ излагалъ логику, дабы научить своихъ слушателей не допускать и не отвергать никакого доказательства легкомысленно, а основательно взвѣшивать силу умозаключеній, физику или естественную философію, которая открываетъ всемогущество и премудрость Бога въ дивныхъ дѣлахъ творенія, геометрію, какъ приученіе ума къ вѣрности и неопровержимости сужденій, и астрономію, какъ средство увлеченія разума къ возвышенному и небесному. Выше всѣхъ этихъ наукъ стояло изученіе нравственности. Послѣ нихъ Оригенъ училъ своихъ слушателей искусству умѣрять страсти, возвышаться надъ слабостями человѣческаго естества, трудиться надъ тѣмъ, чтобы приближаться къ Богу и сохранять въ себѣ образъ Его. Самое безцѣнное, самое высшее и необходимое познаніе у него есть познаніе первой причины всего сущаго. Это высшее ученіе Оригенъ начиналъ изложеніемъ всего того, что философы и поэты сказали о Богѣ, и отсюда переходилъ къ изъясненію того, что Духъ Божій открылъ человѣку касательно начала и конца міра.

8. Послѣ Григорія Чудотворца, въ концѣ третьяго вѣка, славился краснорѣчіемъ своимъ епископъ понтіійскихъ церквей *Мелетій*. Послушаемъ, что о немъ сказалъ современникъ его церковный историкъ Евсевій: „Мелетій, котораго ученые называли *медомъ* аттическимъ, былъ таковъ, какимъ только можно описать человѣка совершеннѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ. Нельзя надлежащимъ образомъ надивиться силѣ краснорѣчія его. Но, можетъ быть, скажутъ, что это у него отъ природы. Однакоже кто превзойдетъ его въ мно-

ПРОПОВѢДНИКИ ВЪ ПАТРІАРХАТѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ. 371

гоопытности и много знаніи всякаго другаго рода? Испытай его только одинъ разъ; и ты скажешь, что онъ во всѣхъ словесныхъ наукахъ есть человѣкъ самый искусный и самый ученый. Съ этими достоинствами согласовались и нравственныя качества его. Такимъ мы знавали его цѣлые семь лѣтъ, когда онъ во время гоненія (Діоклитіана) укрывался въ углахъ Палестины“.

Въ четвертомъ вѣкѣ Каппадокійскіе христіане слушали проповѣди глубокомысленныхъ витій, именно Василия великаго, Григорія Нисскаго, Григорія богослова и *другихъ*. Такъ какъ витійство ихъ многимъ и многимъ извѣстно и безъ меня; то я не долго буду разглагольствовать о нихъ, рѣшившись знакомить читателей съ другими проповѣдниками малозвѣстными.

9. ВАСИЛІЙ великій, отъ святыхъ родителей святой, произошелъ на свѣтъ въ концѣ 330 года христіанскаго. Послѣ уроковъ сперва у отца роднаго, потомъ у софиста Ливанія и у ученыхъ Аеніскихъ, онъ былъ чтецомъ, діакономъ и пресвитеромъ въ Кесаріи Каппадокійской, подвизался въ пустынѣ вмѣстѣ съ Григоріемъ Назіанзиномъ, и наконецъ рукоположенъ былъ въ санъ епископа въ городъ Кесарію, а скончался въ 379 лѣто Господне на 51 году отъ рожденія. Вся жизнь его, по словамъ Григорія Назіанзена, *была молнією, а ученіе громомъ*. Глубокое и ясное ученіе онъ, какъ проповѣдникъ, передалъ въ 9 бесѣдахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Шестодневъ*, въ 17 бесѣдахъ объясняющихъ Псалмы, въ 31 бесѣдѣ разнаго содержанія и въ 54 нравственныхъ поученіяхъ. Изъ собственныхъ словъ св. Василія видно, что онъ во время поста въ каждый день говорилъ одно слово, а иногда и два. Нынѣ печатно извѣстны 25 бесѣдъ его о разныхъ предметахъ, и между ними нѣсколько похвальныхъ словъ святымъ угодникамъ Божиимъ, какъ-то сорока мученикамъ, мученику Варлааму, мученику Гордію, мученику Маманту и мученицѣ Улитѣ. Его бесѣды *о молодѣ*,

роскоши и пьянствъ, о ростовщикахъ по силѣ и одушевленію считаются наилучшими. Патріархъ Фотій, отличный знатокъ ораторскаго слога, такъ отозвался о словахъ Василия: „Великій Василій во всѣхъ Словахъ своихъ превосходитъ. Если кто другой, то онъ особенно владѣетъ языкомъ чистымъ, изящнымъ, величественнымъ; въ порядкѣ и силѣ мыслей—за нимъ первое мѣсто; убѣдительность соединяетъ онъ съ пріятностію и ясностію. Рѣчь его такъ плавна, какъ потокъ, свободно вышедшій изъ своего источника. Кто хочетъ быть отличнымъ гражданскимъ ораторомъ, тому не нуженъ ни Димосеенъ, ни Платонъ, если онъ за образецъ себѣ приметъ слова Василия“.

Предѣлы настоящаго сочиненія моего не позволяютъ мнѣ представить хоть два—три слова сего витія въ русскомъ переводѣ; но не могу и разстаться съ нимъ, не помѣстивши здѣсь изображеннаго имъ идеала христіанской жизни.

„Что особенно свойственно христіанину? Вѣра, способствующая любвию.

Какая особенность его вѣры? Убѣжденіе въ истинѣ глаголовъ богодухновенныхъ, убѣжденіе, котораго не колеблетъ никакое мудрованіе.

Что—особенное въ вѣрующемъ? То, что онъ при такомъ убѣжденіи держится только того ученія, которое сообщаютъ эти глаголы, и не дерзаетъ ни прибавлять къ нимъ что либо свое, ни отбрасывать отъ нихъ.

Въ чемъ состоитъ особенное свойство любви къ Богу? Въ исполненіи заповѣдей Его для славы Его имени.

Въ чемъ состоитъ особенное свойство любви къ ближнему? Въ исканіи пользы душевной и тѣлесной любимому человеку.

Что особенное въ христіанинѣ? Возрожденіе посредствомъ крещенія водою и Духомъ.

Что особенное въ возрожденномъ посредствомъ кре-

ПРОПОВѢДНИКИ ВЪ ПАТРІАРХАТѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ. 373

щенія водою?—Какъ Христосъ умеръ за грѣхи¹⁾, такъ и онъ мертвъ для всякаго грѣха.

Что особенное въ возрожденномъ *свыше*? Совлеченіе ветхаго человѣка съ дѣлами и похотѣніями его, и облеченіе въ новаго по образу создавшаго его²⁾.

„Любовь къ Богу пріобрѣтается не наукою. Мы ни у кого не учимся пользоваться свѣтомъ, любить жизнь; такъ и Бога любить никто насъ не учитъ. Напротивъ, при сотвореніи нашего естества въ насъ всѣяна, какъ сѣмя, нѣкая сила, которая сама въ себѣ заключаетъ наклонность къ любви. Эту силу, готовую, принимаетъ училище, обучающее насъ заповѣдямъ, и только направляетъ ее прилежно, питаетъ благоразумно, и при содѣйствіи благодати Божіей усовершеншаетъ. Не имѣть любви неспосно для души, неспоснѣе геенскихъ мученій, тяжело для ней, какъ для глаза тяжело лишеніе свѣта, а для животнаго отнятіе жизни“.

Насъ не учатъ отвращенію отъ болѣзни: такъ точно безъ науки душа отвращается отъ порока. Всякій порокъ есть болѣзнь души, а добродѣтель—ея здоровье. Вѣрно опредѣляютъ здоровье, когда говорятъ, что оно есть правильное дѣйствіе силъ природныхъ. Не ошибется и тотъ, кто это же самое скажетъ и о здоровьѣ души... Посему-то всѣ хвалятъ умѣренность, одобряютъ справедливость, удивляются мужеству, сильно желаютъ мудрости³⁾.

Творенія св. Василія великаго были отмѣнно любимы греками. Они съ жадностію читали и перечитывали ихъ. Посему великое множество ихъ поныѣ находится въ книгохранилищахъ восточныхъ. Тамъ я разсматривалъ эти творенія *рукописныя* и отмѣтилъ наилучшія изъ нихъ. А такъ какъ Россійская церковь, быть можетъ, когда-либо займется отчетливымъ изданіемъ ихъ, то я перечисляю здѣсь наилучшія и старшія рукописи, содержащія названныя творенія.

¹⁾ Римл. 6, 3.

—Шестодневъ VIII вѣка въ Каирской патріаршей бібліотекѣ.

—Шестодневъ IX вѣка въ Аеоноиверскомъ монастырѣ, (въ одной рукописи съ шестодневомъ Григорія Нисскаго).

—Шестодневъ 1057 года въ Лаврѣ аеонской,

—Бесѣды, объясняющія Псалмы, 1202 года въ бібліотекѣ патріаршаго училища въ крестномъ монастырѣ близъ Іерусалима.

—Аскетическія Слова VIII вѣка. Читайте описаніе этой рукописи въ моемъ первомъ путешествіи по Аеоноу, Ч. I. отд. 1. стр. 227. 228.

—Аѳѳи X вѣка въ Кутлумушѣ.

10. Св. ГРИГОРІЙ НИССКІЙ, младшій братъ Василия великаго, въ Ниссѣ епископъ, но при императорѣ Валентѣ изгнанникъ. По возвращеніи на прежнюю кафедру онъ, по волѣ царя Θεодосія и отцовъ собора, обозрѣвалъ церкви, Аравійскую и Іерусалимскую, присутствовалъ на Константинопольскомъ, вселенскомъ, соборѣ, гдѣ по свидѣтельству историка Никифора ¹⁾, дополнилъ Никейскій символъ вѣры. Своею непорочною заслужилъ названіе *святаго*, а духовнымъ просвѣщеніемъ—нарицаніе *всехвальнаго и знаменитаго витія*, улаждающаго слухъ (Phot. Cod. VI). Въ послѣдній разъ исторія видитъ его на Константинопольскомъ соборѣ, бывшемъ въ 394 году по дѣлу Агапія и Багадія, предпринятыхъ о кафедрѣ г. Бостры Аравійской. Вѣроятно вскоре послѣ сего скончался пастырь Нисскій, заслужившій прозваніе „отца отцовъ“.

Сему знаменитому епископу всегда отдавали честь, какъ витію искусному. Въ ораторскомъ словѣ его нѣтъ того величія, какимъ отличается слово Василия, ни той возвышенности и точности, какія усматриваются въ словахъ св. Григорія Назіанзина. Но въ замѣнъ того оно живо, ясно, легко, сладко. Григорій, по завѣренію Фотія, *сладчайшій*,

¹⁾ Hist. Eccl. L. XII. c. 13.

ПРОПОВѢДНИКИ ВЪ ПАТРІАРХАТѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ. 375

блистательный, чаруетъ слухъ пріятностію, ὑλοχρηστικὸς καὶ ῥητορικὸς ὡς οἱ ἀποστάζοντες. Ораторскій талантъ его особенно видѣнъ въ надгробныхъ Словахъ его *Мелетію* антиохійскому, *Василію* великому, св. *Макрину*, царицѣ *Плакиллѣ* и *Пульхеріи*, въ похвальныхъ Словахъ св. *Ефрему Сирину*, *Григорію чудотворцу*, мученику *Теодору Трону*, сорока мученикамъ *Севастійскимъ*, и первомученику *Стефану*. Праздничныя Слова *Григорій* говорилъ во дни Рождества Христова, Срѣтенія, Крещенія, Пасхи (5 словъ), Вознесенія Господня и Пятидесятницы.

Представляю образчикъ краснорѣчія сего витія изъ его похвальнаго Слова святому архидіакону и первомученику *Стефану*.

„Какъ восхитительна преемственность духовной радости! Вотъ мы переходимъ отъ праздника къ празднику, и приеѣмлемъ благодать на благодать. Вчера увеселялъ души наши Владыка всего существующаго: сегодня увеселяетъ насъ подражатель сему Владыкѣ. Но какъ увеселяетъ этотъ и какъ увеселяетъ Тотъ? Тотъ—воспріятіемъ себѣ ради насъ естества человѣческаго, а этотъ—совлеченіемъ съ себя плоти ради Владыки, Тотъ—бывъ повитъ для насъ пеленами, а этотъ—бывъ побитъ ради Владыки камнями, Тотъ—побѣдивъ смерть, а этотъ—посрамивъ ее побѣжденною.

Братіе! Приблизимся къ зрѣлищу... *Стефанъ*, первый, украсился вѣнцомъ исповѣдника, первый проложилъ путь сонму мучениковъ, первый подвизался противъ грѣха даже до крови... Злобный врагъ человѣковъ, со времени паденія прародителей до дней *Стефана*, уже навъкъ побѣждать людей; но великій подвижникъ вѣры ни во что вмѣнилъ нападеніе сего противника. Тотъ и другой имѣли оружіе: виновникъ смерти—угрозу смерти, а ученикъ Жизни—исповѣданіе вѣры. Кто не удивится этому новому роду брани, на которой участь истины рѣшалась жизнью и смертію, и гдѣ смерть была доказательствомъ истины? Провозвѣстникъ сокро-
вленной вѣры и педовѣдомой жизни (будущей) самымъ

Труды Киев. Акад. 1879 г. т. III.

дѣломъ проповѣдалъ людямъ истину; ибо то самое, что онъ безболзненно разстался съ настоящею жизнію, для здравомыслящихъ служить доказательствомъ того, что оставаемая имъ жизнь замѣнится лучшею. Постараемся же изобразить въ настоящемъ Словѣ, какъ бы на картинѣ, самый подвигъ первомученика.

Когда люди во множествѣ начали приходить для слушанія проповѣдуемой вѣры, и когда со стороны служителей благодати потребна была величайшая дѣятельность; тогда Духомъ святымъ призванъ былъ къ служенію на помощь апостоламъ великій мудростію и благодатію Стефанъ... Какъ огонь, попаляя удобосгораемое вещество, поднимаетъ на высоту пламя свое, и свѣтитъ ярче; такъ и Духъ Святой, дѣйствуя въ великой душѣ Стефана, содѣлывалъ въ немъ лучи благодати блистательнѣйшими“.

Довольно! Беру другое перо для очерка иного предмета.

Въ Аеоноиверской библіотекѣ я видѣлъ Шестодневъ Григорія Нисскаго въ рукописи IX вѣка, переплетенной вмѣстѣ съ Шестодневомъ Василия великаго, надгробное слово *Мелетію* въ рукописи XI вѣка въ книгохранилищѣ Синае-Джуванійскомъ въ Каирѣ, и творенія его въ Аеонопандократорской обители въ рукописи XIV вѣка, которой почеркомъ нельзя не любоваться.

11. Св. ГРИГОРІЙ, по мѣсту рожденія Назіанзинъ, по глубинѣ и чистотѣ боговѣденія богословъ, при самомъ рожденіи (326 г.) по обѣту посвященъ былъ Богу. Благочестивая мать его Нонна, питая душу его святыми наставленіями, старалась передать въ немъ рѣшимость исполнить обѣтъ ея, и подарила ему, какъ самый драгоценный подарокъ священное писаніе. Увлекаемый любовію къ наукамъ онъ, послѣ домашняго обученія преимущественно у дяди своего Амфилохія, отличнаго наставника въ краснорѣчій, слушалъ уроки въ Кесаріи Каппадокійской у ритора Θεσπεсіа, потомъ въ Александріи и въ Аѳинахъ изучалъ науки словесныя, философскія, математическія и даже врачебныя;

ПРОПОВѢДНИКИ ВЪ ПАТРІАРХАТѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ. 377

по окончаніи ученія самъ въ Аѳинахъ преподавалъ словесность, но не долго. Возвращаясь къ родителямъ своимъ, онъ въ сильную и продолжительную бурю на морѣ далъ обѣтъ посвятить себя Богу, если останется живъ, и прибывши въ родительскій домъ, принялъ крещеніе. Потомъ ни пресвитерство, ни Сасимское епископство не отдалили его отъ уединенной жизни: только преклонность лѣтъ родители возвратила его изъ пустыни для вспоможенія ему въ трудахъ епископскихъ. Антиохійскій соборъ послалъ его, противъ желанія, въ Константинополь для возстановленія тамъ православія, угнетеннаго аріанами. Здѣсь царь Θεодосій провозгласилъ его, а вселенскій соборъ Константинопольскій утвердилъ архіепископомъ сего царствующаго города. Но онъ, дабы прекратить смуты, возникшія по этому случаю, оставилъ сію новую кафедру свою, сказавъ соборовавшимъ епископамъ: *„я не лучше Іоны пророка; бросьте же и меня въ море только бы умолкли споры“*. Чувствуя приближеніе смерти, онъ въ уединеніи велъ жизнь самую строгую. Наконецъ въ 389 году почилъ тотъ, котораго жизнь, какъ сказалъ Руфинъ, была неукоризненна, красно-рѣчіе блистательно и славно, вѣра правильна и чиста; вѣдѣніе самое полное и совершенное.

Св. Григорій былъ витія, достойный истины Христовой. Онъ имѣлъ природный даръ слова, и посвятилъ его Богу—Слову. „Сей даръ приношу я Богу моему, говорилъ онъ въ *Словѣ о мирѣ*,—сей даръ посвящаю Ему. Онъ одинъ остался у меня, и имъ однимъ богатъ я: отъ всего же прочаго я отказался по заповѣди Духа; все, что имѣлъ, промѣнялъ на эту драгоцѣнную жемчужину. Только словомъ владѣю я, какъ служитель Слова; никогда не хотѣлось бы пренебрегать этимъ богатствомъ. Я уважаю его, дорожу имъ, утѣшаюсь имъ болѣе, чѣмъ другіе утѣшаются всѣми сокровищами міра. Оно—спутникъ всей моей жизни, добрый совѣтникъ и собесѣдникъ, вождь на пути къ небу и усердный сподвижникъ“.

Ораторское слово Григорія—безпримѣрно; особенности его суть возвышенность и сила мыслей, пламенность чувствованій, игра выраженій и образовъ, часто насмѣшка, а иногда и сарказмъ, но смягченный любовію, чистота и точность выраженій, неподражаемый подборъ словъ. Ни по чему невидво, чтобы Григорій говорилъ Слова свои безъ приготовленія: напротивъ, сами они ясно показываютъ, что этотъ витія приготовлялъ, обрабатывалъ ихъ для церковной каѳедры, дабы никакой записный говорунъ тогдашней публики, отчасти еще языческой, не могъ заставить его краснѣть, хоть бы за одно выраженіе. Слова Григорія и по складу своему и по тону суть не бесѣды, а проповѣди ораторскія. Въ числѣ 45 несомнѣнныхъ Словъ его считаются 5 похвальныхъ, Кипріяну, Кесарію, Василию великому, Аванасію великому и сестрѣ его Горгоніи, 9 Словъ, говоренныхъ въ праздники, Рождество Христово, Крещеніе, Пасху, Пятидесятницу и проч., и Слова защитительныя и обличительныя (о мирѣ, о сохраненіи умѣренности въ спорахъ); изъ сихъ послѣднихъ замѣчательны два *столбовыя* Слова (*στυλαίαι*) въ обличеніе *Юліана*. Это—два столба, на которыхъ неизгладимо записано нечестіе сего царя для потомства. Его выпренія *Слова о богословіи* суть образцы церковнаго витійства такого, которому подражать трудно. Съ какимъ вниманіемъ, съ какою жадностію слушали Григорія, это самъ онъ высказалъ въ прощальной рѣчи своей предъ отъѣздомъ изъ Константинополя. »Прощайте любители рѣчей моихъ, быстро и шумно стекавшіеся отсюду; прощайте скорописцы явные и тайные, и ты, ограда, которая часто осаждаема была слушателями. Прощайте сановники и слуги палаты, вѣрные ли вы царю, не знаю, а Богу большею частію не вѣрные! *Бейте въ ладоши*, острите, возвышайте витію вашего хвалами. Умолкъ для васъ злой и говорливый языкъ, но не навсегда: онъ еще будетъ поражать васъ съ помощію руки и писчаго пера“... Изображая свое *видѣніе* любезнаго ему храма Анастасіи, которое напоминало ему самую дѣй-

проповѣдники въ патріархатѣ константинопольскомъ. 379

ствительность, Григорій говорилъ: „Мнѣ представилось, что я сажу на высокомъ престолѣ, однако не съ поднятыми высоко бровями... По обѣ стороны ниже меня сидѣли пресвитеры, вожди паствы, зрѣлые возрастомъ; въ свѣтлыхъ ризахъ предстояли діаконы, какъ образы ангельской свѣтозарности. Изъ народа одни, какъ пчелы, прижимались къ рѣшеткѣ, и каждый усиливался подойти ко мнѣ ближе, другіе тѣснились въ священныхъ преддверіяхъ, поспѣвая ко мнѣ и слухомъ и стопами своими, а иныхъ высылали для слушанія словъ моихъ пестрыя торжища и звучащія подъ ногами улицы; чистыя дѣвы вмѣстѣ съ благонравными женами съ верху храма склоняли слухъ свой благочинный“.

О св. Григоріѣ, какъ о проповѣдникѣ, придется мнѣ говорить еще разъ въ отдѣлѣ о проповѣдникахъ Константинопольскихъ. А здѣсь я пересчитываю наилучшія рукописи, въ коихъ содержатся творенія его, и кои разсматриваемы были мною въ восточныхъ книгохранилищахъ. Этотъ перечень мой докажетъ, что греки высоко цѣнили талантъ Назіанзина и съ жадностію читали и изучали творенія его.

Рукописи эти суть слѣдующія:

— Въ лаврѣ Аѳонской всѣ творенія Григорія Богослова на пергаминахъ въ самый большой листъ, въ два столбца, писаны въ осьмомъ вѣкѣ. Въ этой рукописи въ концѣ нѣкоторыхъ Словъ счетомъ показаны стихи, или строки; на примѣръ, въ похвальномъ Словѣ Аѳанасію великому 1164 стиха, въ Словѣ о маккавеехъ 430 стиховъ, въ Словѣ о Кипріанѣ мученикѣ 495 стиховъ (Смотри мое Перв. Путеш. по Аѳону. Отдѣл. 1 стран. 227).

— Въ той же Лаврѣ творенія Богослова на пергаминахъ, IX вѣка, и 16 Словъ XI вѣка.

— Въ монастырѣ Аѳонофилопейскомъ *Λόγοι διὰ φόρου* на пергаминахъ 819 года.

— Въ Аѳонскомъ Протатѣ *Λόγοι* на пергаминахъ, X вѣка.

— Въ Аѳонокутлумушской обители *Λόγοι* на пергаминахъ

XII вѣка, и толкованіе этихъ словъ, на пергаментѣ XIII вѣка, Никиты Серронскаго ¹⁾).

— Въ монастырѣ Синайскомъ въ кельяхъ архіепископскихъ Αβυσι, на пергаментѣ, 999 года, и еще двѣ особыя рукописи XIV столѣтія.

— Въ Синаекаирскомъ метохѣ, называемомъ Джуванія, 51 Слово, на пергаментѣ, XIII вѣка.

— Въ монастырѣ Саввы освященнаго, что близъ Іерусалима, творенія Назіанзина, на пергаментѣ въ трехъ отдѣльныхъ томахъ, одинъ X го и два XIV вѣка.

— Въ библіотекѣ Святотробской обители, что въ самомъ Іерусалимѣ, Αβυσι, на пергаментѣ, X вѣка съ хорошими раскрашенными миниатюрами, и 16 Словъ XIII столѣтія.

— Въ библіотекѣ патриаршаго училища, помѣщеннаго въ Крестномъ монастырѣ близъ Іерусалима, Αβυσι, на пергаментѣ, XIV вѣка.

Каппадокія, родина св. Григорія Назіанзина, во дни его славилась образованностію жителей ея ²⁾). Тогда тамъ извѣстны были еще два витія, Георгій пресвитеръ и діаконъ Фотинъ.

12. Похвальное Слово ГЕОРГІЯ триста восемнадцати отцамъ Никейскимъ и Константину великому я видѣлъ на Аѳонѣ въ книгохранилищахъ монастырей, Есфигменскаго и Кутлумушскаго. Αβυσι εις την πατέρα καὶ εις Κωνσταντίνου μέγαν. Думаю, что этотъ Георгій есть тотъ самый пресвитеръ, который написалъ житіе св. Григорія Богослова, и который въ историческомъ ученіи объ отцахъ церкви пресвященнаго Филарета черниговскаго наименованъ Григоріемъ.

13. О діаконѣ Фотинѣ и о проповѣданіи его мнѣ из-

¹⁾ Въ библіотекѣ Аѳеоворусска хранится рукопись на пергаментѣ, содержащая изъясненія и примѣчанія при 45 словахъ Григорія Назіанзина, посвященныя Константину Порфирородному, который умеръ 11 ноября 1028 года.

²⁾ Isidor. Pelus. Ep. 158. 352.

вѣстно вотъ что.—Въ послѣдніе годы четвертаго столѣтія въ Египто-Нитрійскомъ скитѣ спасался простосердечный авва Серапіонъ. Онъ жилъ свято, но вмѣстѣ съ многими неучеными собратіями, недавно переставшими кланяться идоламъ, представлялъ себѣ Бога въ видѣ человѣка и, когда молился Ему, воображалъ Его съ головою, руками и ногами. Въ этомъ заблужденіи утверждали его худо понятыя слова священнаго Писанія: *сотворимъ человека по образу и по подобію нашему*. Изъ этихъ словъ онъ заключалъ, что каковъ человѣкъ, таковъ и Богъ и что у Него кромѣ души есть и тѣло. Духовный отецъ его Пафнутій долго вразумлялъ его; но всѣ объясненія его были тщетны. Серапіонъ думалъ, что ученіе духовника его о Богѣ, какъ существѣ безтѣлесномъ, духовномъ и безпредѣльномъ, есть ученіе новое, противное древнему преданію и общему смыслу людей. Между тѣмъ въ скитъ пришелъ изъ Каппадокіи ученѣйшій діаконъ ФОТИНЪ, дабы соутѣшиться вѣрою и праведнымъ житіемъ пустынниковъ. Пафнутій упросилъ его поговорить въ собраніи всѣхъ скитниковъ о томъ: какъ всѣ церкви на востокъ разумѣютъ и изъясняютъ слова: *сотворимъ человека по образу и по подобію нашему*. Фотинъ повѣдалъ, что всѣ восточные епископы понимаютъ Бога, какъ существо духовное и ничѣмъ неограниченное, и учатъ, что по образу и по подобію Его сотворена только душа человѣка, и подтвердилъ все это многими свидѣтельствами св. Писанія. Онъ говорилъ такъ ясно просто и убѣдительно, что добрый старецъ Серапіонъ созналъ свое заблужденіе, раскаялся въ немъ, и принялъ истину, которую исповѣдывали всѣ христіане (Cotelier. Т. II. pag. 423).

14. Мы уже знаемъ, что въ Понтійской области малой Азіи, въ третьемъ вѣкѣ, славился краснорѣчіемъ своимъ епископъ Мелетій (выше подъ № 8). Но вотъ и другой тамъ витія, АСТЕРІЙ епископъ Понтійскаго города Амасіи. Въ молодости онъ слушалъ научныя уроки въ Антиохіи у

талантливаго схиѣа, купленнаго богатымъ Антиохійскимъ учителемъ грамматики и удивлявшаго грековъ и римлянъ своими свѣдѣніями въ наукахъ словесныхъ и въ правовѣдѣніи: потомъ занималъ должность ходатаѣ по дѣламъ въ судебныхъ мѣстахъ, на кафедрѣ же Амасійскую вступилъ послѣ епископа Евлалія, и съ одушевленіемъ христіанскаго вѣтіи исправлялъ нравы, испорченные аріанствомъ¹⁾; скончался же въ глубокой старости, вѣроятно, въ 404 году.

Сочиненія сего Амасійскаго пастыря, причисляемаго къ отцамъ церкви патріархами Фотіемъ и Никифоромъ и седьмымъ вселенскимъ соборомъ, показываютъ въ немъ преимущественно вѣтію церковнаго и вѣтію такого, который занимаетъ почетное мѣсто между проповѣдниками.

Бесѣды Астерія изданы Комбенизіемъ въ его *Græcolatinorum patrum Bibliothecae novum auctuarium*. Вотъ перечень ихъ. 1) О богатомъ Лазарѣ, 2) о несправедномъ домостроителѣ, 3) о любостыжаніи, 4) о праздникѣ кадендъ, 5) о словахъ евангелиста Матеѣ, 19, 3., *еще достоинъ человеку пустити жемю свою по всякой винѣ*, 6) о пророкѣ Даніилѣ и Сусаннѣ 7) о слѣпорожденномъ, 8) Похвальное Слово Петру и Павлу, 9) Похвала св. мученику Фокѣ, 10) Похвала святымъ мученикамъ, 11) Похвала св. мученицѣ Евфиміи, 12) Похвальное Слово св. архидіакону Стефану.

Его же отрывки: 1) Изъ увѣщанія къ покаянію, 2) изъ другаго похвальнаго Слова архидіакону Стефану, 3) изъ бесѣды о впадшемъ въ разбойники, Лук. 10, 30., 4) о мытарѣ и фарисеѣ, 5) о Закхеѣ, 6) о блудномъ сынѣ, 7) о рабѣ сотника Матѣ. 8, 5., 8) изъ Слова при наступленіи поста, 9) о слѣпорожденномъ, 10) объ Іаирѣ и кровоточивой женѣ.

Такъ какъ мнѣ нравятся проповѣди Астерія, то я не могу удержаться отъ того, чтобы не помѣстить здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ нихъ.

¹⁾ Sozomen. H. E. L. VII. c. 2.—Cotelierii Monumenta. 2, 516.

Въ бесѣдѣ о *богатомъ и Лазарѣ* проповѣдникъ обличаетъ пышность богачей, и научаетъ довольствоваться одеждами, кои могли бы только защищать насъ отъ непогодъ. Такое назначеніе одежды указано первозданному человеку. „Если же вы,—говоритъ Астерій,—отвергаете ленъ и вѣлну, если гнушаетесь тѣмъ что благій Богъ далъ вамъ, если для удовлетворенія прихотей вашихъ изыскиваете одежды, похожія тонкостію на паутины: не обличаютъ ли онѣ ваши нравы женскіе?“—За тѣмъ онъ порицалъ тѣхъ, которые одѣвались въ одежды испещренныя изображеніями разныхъ звѣрей, птицъ и проч., не щадилъ и тѣхъ, которые подъ видомъ набожности заказывали себѣ простыя одежды, но съ изображеніями евангельскихъ событій. „Если эти люди,—говорилъ онъ,—сколько нибудь вѣрятъ мнѣ, пусть продадутъ такія одежды и почтутъ истинныя изображенія Божіи... Не рисуй Христа: довольно съ тебя того, что Онъ принялъ плоть нашу... Не изображай на одеждѣ разслабленнаго, а лучше подай помощь бѣднымъ больнымъ. Напрасно ты смотришь на изображеніе кровоточивой жены: яви состраданіе угнетенной вдовицы. Напрасно смотришь на грѣшницу, лежащую у ногъ Христовыхъ: помни свои грѣхи и плачь о нихъ. Не изображай воскресшаго Лазаря, а самъ приготовься къ будущему воскресенію своему. Къ чему ты носишь слѣпца на одеждѣ твоей? Утѣшь благотвореніемъ живаго слѣпца“... Въ остальной части той же бесѣды Астерій продолжалъ обличать пышность въ нарядахъ, упоминая: сколько люди разоряются на нихъ, сколько дѣлаютъ несправедливостей самыхъ черныхъ, и къ какимъ порокамъ ведетъ эта страсть.

Въ бесѣдѣ о *мученикахъ* возлюбленный мой Астерій проповѣдывалъ: „Мы хранимъ тѣла ихъ, какъ сосуды благословенные, какъ орудія душъ прославленныхъ и любезныхъ Іисусу Христу, какъ жилища духовъ небесныхъ. Мы поручаемъ себя покрову ихъ. Мученики—тоже въ церкви, что воины въ укрѣпленіи. Народъ со всѣхъ сторонъ стре-

мится къ гробамъ ихъ, и чтить ихъ торжественными празднествами. Всѣ, горюющіе, у нихъ находятъ себѣ утѣшеніе. Мы молитвенно обращаемся къ ходатайству ихъ. И это благоговѣніе наше облегчаетъ гнетущую насъ тяжесть, исцѣляетъ болѣзни, умиряетъ гнѣвъ князей. Больно дитя у родителей: они отдають его на руки имъ, оставляютъ врачей и спѣшать ко гробу мученика, молятъ Господа, взываютъ къ ходатаю своему: о ты, который страдалъ ради Иисуса, помолись за это больное дитя... Мы не поклоняемся мученикамъ, но чтимъ ихъ, какъ искреннихъ поклонниковъ Бога. Не людей чествуемъ, а удивляемся тѣмъ, которые во время искушеній принесли себя въ жертву Богу. Мы полагаемъ ихъ въ благоукрашенныхъ ракахъ, строимъ храмы на могилахъ ихъ съ тѣмъ, чтобы ревновать почестямъ тѣхъ, которые скончались отлично. И не бесполезенъ нашъ трудъ для нихъ: мы пользуемся ходатайствомъ ихъ предъ Богомъ. Еретикамъ евноміанамъ говорилъ святитель:— „Удивительно ли, что вы, іудеи новаго покроя, безчестите мучениковъ, вы, которые унижаете Христа и лишаете его въ рѣчахъ своихъ равенства съ Отцемъ? Вы убѣгаете отъ мѣстъ, въ которыхъ почиваютъ святые тѣла, какъ отъ мѣстъ нечистыхъ. Но если что либо другое не приходитъ вамъ на умъ, устрашитесь ужъ и названія *христіанинъ*, вы, которые вмѣстѣ съ язычниками ненавидите мучениковъ. Или вамъ неизвѣстно, что начальникъ мучениковъ есть Христосъ? Онъ первый пострадалъ и оставилъ рабамъ ревность свою... Но я знаю: что и что ты думаешь, слушая меня. Ты говоришь: и я участникъ въ томъ же, если буду жить добродѣтельно, и я ничѣмъ не хуже, и буду почтенъ не меньше тѣхъ, которымъ теперь удивляются? Такъ, подлинно, слова твои достойны гордеца, который оправдываетъ себя по примѣру самохвала фарисея; тутъ нѣтъ ни тѣни смиренія. Но слишкомъ извѣстно, что вадобно прежде смириться, дабы подняться на высоту: такова мысль Господа. Подумай хотьбы для того, чтобы считали тебя благочести-

ПРОПОВѢДНИКИ ВЪ ПАТРИАРХАТѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ. 385

вымъ: не нужно ли тебѣ отдать честь освятившимъ для тебя путь благочестія, вождамъ святости, наставникамъ въ добродѣтели, научившимъ тебя терпѣть и презирать смерть?... Много могутъ святые. Хоть они и оставили настоящую жизнь, но благодѣлаютъ людямъ“.

Въ бесѣдѣ въ новый годъ, Астерій, обличая языческое празднованіе новаго года съ ревностію христіанскаго пастыря, говорилъ: „Что это за праздникъ? Къ чему эти издержки? Я не знаю. Вы скажите это, вы, которые празднуете. Представьте причину тому, какъ мы представляемъ причины истинныхъ праздниковъ Божіихъ. Вотъ мы празднуемъ *Рождество* (Христово), потому что въ сіе время Богъ явился во плоти; празднуемъ *торжество Святыхъ*, *φωτὸν παύρῳρίον* (Крещеніе Христово), потому что прощеніемъ грѣховъ мы возведены къ свѣту и славѣ изъ мрачной темницы прежней жизни. Еще: украшаемся и свѣтло радуемся *въ день воскресенія*; ибо онъ внушаетъ намъ, что мы будемъ бессмертны, и что намъ надобно преобразоваться для лучшей жизни. Какъ эти праздники мы празднуемъ, такъ и другіе... Затѣмъ высказалъ, что языческіе обряды новаго года бессмысленны.

Астерій еще въ 400 году говорилъ проповѣдь въ новый годъ, и въ ней изобразилъ суетность человѣческихъ замысловъ. А такъ какъ онъ вскорѣ послѣ сего скончался; то и приходится считать его проповѣдникомъ четвертаго вѣка.

Въ пятомъ христіанскомъ столѣтіи приобрѣли себѣ извѣстность малоазійскіе проповѣдники, именно, въ Смирнѣ епископъ Киръ и въ Исаврійскомъ городѣ Селевкіи епископъ Василиій.

15. Въ царствованіе Θεодосія младшаго (408—450 г.) епархъ Константинополя, именемъ КИРЪ, возобновившій стѣны сего города, навлекъ на себя подозрѣніе сего государя, будто онъ не христіанинъ, а потаенный идолопоклонникъ, и убоявшись мести, принялъ санъ пресвитерскій. Узналъ это Θεодосій, сжалился надъ нимъ, и велѣлъ рукоположить его въ епископа въ городъ Смирну. Его рукопо-

ложили. Но жители Смирны не рѣшались принять его и даже хотѣли убить въ церкви, по слухамъ полагая, что онъ язычникъ, однако понудили его сказать народу поученіе. А тогда былъ праздникъ рождества Христова. Киръ возшелъ на кафедру и сказалъ: „Братіе! Рождество Господа нашего Іисуса Христа да почитится молчаніемъ; ибо въ Приснодѣвѣ, при посредствѣ одного слуха ея, совершилось зачатіе Бога Слова: ему же слава во вѣки. Аминь“. Эта кратчайшая проповѣдь успокоила и возвеселила народъ¹⁾. Въ исторіи же проповѣдничества только она одна и усвоится ему.

16. ВАСИЛІЙ, епископъ Исаврійскаго города Селевкии († 458 г.), проповѣдывалъ слово Божіе. Его проповѣди я видѣлъ на Аѳонѣ, въ Кутлумушскомъ монастырѣ о *Вознесеніи Господнемъ*, и въ Дохіарской обители о *Пресвятой Богородицѣ и о вочеловѣченіи Господа Іисуса Христа*²⁾, и особо о *младенцахъ избѣженныхъ въ Виллеми*³⁾, а въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ (1865 г.) читалъ переводъ похвального Слова его святому первомученику Христову Стефану. Любители проповѣдей пусть прочтутъ это Слово въ названномъ Собесѣдникѣ; а мнѣ да будетъ позволено представить здѣсь краткую выписку изъ него ради ознакомленія читателей моихъ съ витійствомъ Селевкійскаго пастыря.

„Священные книги, ежедневно читаемыя въ церквахъ, сдѣлали уже достаточно извѣстными славные и побѣдоносные подвиги Стефана, мученика изъ мучениковъ. первенца изъ всѣхъ ратоборцовъ, первоначальнаго исповѣдника Христа, увѣнчаннаго воина вселенной, выдержавшаго всѣ пораженія, положившаго начало мученичества. А такъ какъ славное и извѣстное всему міру страданіе сего знаменитаго

1) Εκκλησιαστ. Ιστορία Μελετίου μητροπολίτου Ἀθηνῶν. Τ. II. 1783.

2) Начинается такъ: Μεγάλας τῶν ἐγκωμίων εὐρήσει τὰς ἀφορμὰς ὁ τὴν ὀρίαν Μαρίαν καὶ θεοτόκον ὀμνῶν...

3) Начало: Πάλιν ὁ γέρων ἐγὼ πρὸς τὸ τῶν λόγων ἄγομαι χάδιον...

проповѣдники въ патріархатѣ константинопольскомъ. 387

мученика сіяетъ съ великимъ блескомъ, и достославный вѣнецъ его, свѣтящій всему міру, не перестаетъ бодрить души благочестивыхъ; то сплетающій похвалы ему необходимо нуждается въ озареніи свыше, дабы просвѣтлялъ умственный взоръ его, и могъ созерцать обликъ добродѣтелей Стефана хотя въ маломъ видѣ. Славныя чудеса его, превосходящія блескъ солнечныхъ лучей, ослѣпительны. Но такъ какъ и величайшія дѣянія и огромныя тѣла художники представляютъ обыкновенно въ небольшомъ очеркѣ, или видѣ; то и мы попытаемся смычкомъ слова отзвуковать благохваленія столько, сколько способны къ сему любовь и боголюбивая ревность.

Что зрачекъ въ глазѣ, то и многострадаальный Стефанъ въ сонмѣ мучениковъ. И какъ пчела, по закону естественному, должна слѣдовать за своимъ вождемъ и не прежде узетать изъ улья, какъ когда вылетитъ изъ него пчелиная матка: такъ и богоприличный рой послѣдующихъ мучениковъ никогда не полетѣлъ бы къ небесамъ, если бы не предшествовалъ вождь исповѣданія Христова, и никогда не помыслилъ бы о страданіи, если бы не пострадалъ прежде этотъ предтеча добродѣдныхъ мучениковъ. Бывъ преисполненъ блаженными надеждами христіанскими, онъ во время земнаго странствованія своего источалъ благочестіе, изливалъ потоки ученія, благоухалъ цвѣтущими добродѣтелями, пламенно желалъ только того, что божественно, изошрялъ языкъ свой богохваленіями, проводилъ время въ продолжительныхъ псалмопѣніяхъ, днемъ и ночью устремлялъ сердечное око къ созерцанію божественнаго. Все боголюбезное составляло пищу и питіе его. Все духовное было стяжаніе его... Онъ былъ неутомимъ въ ученіи, ретивъ въ увѣщаніи, и умѣлъ наставлять добру; смѣло говорилъ о божественномъ, оспаривалъ іудеевъ, обличалъ фарисеевъ, мудро доказывалъ пророчествами, что Христу надлежало пострадать, обуздывалъ говорливость риторовъ, разсѣкалъ море идолослуженія... Онъ не имѣлъ

ни примѣра, ни предшественника, ни первомученика за Христа. Никто до него еще не запечатлѣлъ исповѣданія кровію; никто еще не страдалъ за воплощеніе Владыки. Только сей блаженный нашелъ первообразъ мученичества въ своемъ произволеніи...

О, треблаженный мученикъ! О, созерцатель Единороднаго!... Изумляемся твоему христолюбію; безмѣрно удивляемся твоей твердости; лобызаемъ твое терпѣніе: покланяемся твоему мученичеству; благословляемъ Наградившаго тебя вѣнцомъ; славословимъ Даровавшаго тебѣ крѣпость; почитаемъ Ниспославшаго тебѣ силу. Смиренно просимъ ввести насъ въ твой чертогъ. Молимся, да по предстательству твоему получимъ прощеніе грѣховъ.

Онъ похороненъ былъ на нѣкоемъ полѣ, называемомъ по еврейски *Парамала*.. Въ могилѣ его лежала каменная доска, и на ней изсѣчено было имя мученика по еврейски, *Хеліилъ*, что значитъ, Стефанъ.

Блаженный самъ себя явилъ, какъ блестящій утренній свѣтъ, какъ драгоценный камень, блистающій молніевидно, явилъ мѣстному пресвитеру, мужу весьма благочестивому, и епископу славнаго Іерусалима Іоанну... А являлся онъ имъ, какъ ангелъ свѣта, каждому съ приличными словами, въ одинаковомъ одѣяніи, въ одинаковомъ видѣ, убѣждая перенести останки его на то мѣсто, предъ стѣнами Іерусалима, гдѣ онъ, побитый камнями, претерпѣлъ славную смерть. Между тѣмъ, Іувеналій, украшающій нынѣ знаменитый престолъ Іакова, построилъ церковь, достойную памяти трудовъ и славныхъ подвиговъ Стефана, тотъ Іувеналій, въ которомъ и ученіе и нравъ и непорочность и боголюбіе Іакова сохранились такъ, что онъ былъ точнымъ отображеніемъ всего благочестія его, и который началъ праздновать спасительное и достопоклоняемое рождество Господа¹⁾).

¹⁾ То есть 25 декабря, отдѣльно отъ праздника Богоявленія Господня, въ соединеніи съ которымъ праздновалось въ Іерусалимѣ 6 января и рождество Христово до времени Іувеналія.

проповѣдники въ ПАТРИАРХАТѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ. 389

О, добропобѣднѣй! О, преславный, блаженный и преблаженный! О, Стефанъ мученикъ, благоухающій цвѣтами благочестія! О, вмѣстилище добродѣтелей! О, полнота духовныхъ доблестей! О, звѣзда утрення! Ты еще во время жизни своей сіялъ между людьми, являя знаменія, чудеса и разныя исцѣленія.. Восхваляемъ твои подвиги, предстоятель мучениковъ, собесѣдникъ апостоловъ. Лицезритель Единороднаго! Ты въ разверзтыхъ небесахъ видѣлъ Сына человѣческаго, какъ приличествовало видѣть первому мученику: а великій подвигоположникъ Христосъ, за котораго претерпѣлъ ты мученія, стоя на небесахъ и дивясь тебѣ, борцу своему, держалъ для тебя вѣнцы. Пролитая тобою кровь смыла съ земли идолослуженіе... Всякое мѣсто, украшаемое твоими останками, оспящается. Всякая страна, сподобившаяся благословеній твоихъ, процвѣтаетъ. По окончаніи трудовъ ты царствуешь съ Царемъ царствующихъ и Господомъ господствующихъ. Покланяемся державѣ Его; превозносимъ силу Его; почитаемъ Подателя благъ, Просвѣтителя, Искупителя, Благодѣтеля, щедраго, челоувѣколюбиваго, любящаго рабовъ своихъ Владыку, Вѣнецъ Стефана.

О, какъ ухищрялся многокозненный діаволъ, этотъ корень грѣха, совѣтникъ преступленія! Цѣлое море напустилъ онъ на праведника: раздражилъ іудеевъ, взволновалъ еллиновъ, разъярилъ фарисеевъ, дабы убили блаженнаго... Но неутомимый не ослабѣлъ, многострадаальный не уступилъ, мученіемъ не устрашился, не отрекся отъ благочестія, противусталъ грѣху даже до крови. Это въ ярость приводило злоначальника бѣса, вступившаго въ бой съ мученикомъ, дабы страхомъ мученій заставить его отречься отъ исповѣданія Христа, и предпочесть удовольствія настоящей жизни благамъ жизни вѣчной. Онъ воздвигъ тревоженіе, но утѣсь не подался. Онъ употребилъ въ дѣло всѣ оружія, но воина не поразилъ. Онъ пустилъ огненные стрѣлы, но знаменитаго бойца не уязвилъ, ибо сей хотя и получалъ удары, однако не падалъ. Онъ подсѣкъ дерево,

но плода не коснулся; пролилъ кровь, а вѣра разлилась потокомъ.

Видишь ли, боголюбецъ, воинъ готоваго къ битвѣ? Видишь ли неподвижный утесъ? Видишь ли несокрушимую стѣну? Видишь ли не подрываемую башню? Видишь ли, какъ посрамленъ діаволъ? Видишь ли, какъ прославился -Богъ? Видишь ли, какъ увѣнчанъ устоявшій въ борьбѣ? Видишь ли, какъ веселятся исповѣдникъ? Видишь ли, какъ увѣнчивается побѣдитель? Стефанъ—вождь мучениковъ глава исповѣдниковъ, верхъ ратоборцовъ, опора подвижниковъ, образецъ для сражающихся съ лютыми бѣсами, укрѣпленный городъ; необоримая стѣна, тихая пристань, украшеніе боголюбцовъ, бичъ бѣсовъ.

О, безсмертный мученикъ! Велико прославленіе твое о Христѣ; велико дерзновеніе твое ради Христа; велика неустрашимость твоя за Христа. Твоими страданіями величаются концы вселенной. Ты врачеваніе болящихъ, прибѣжище бѣдствующимъ...

О, наставникъ подвижниковъ! О, цвѣтъ неувядаемый! О, благовонное муро! О, прозрачѣйшій источникъ! Спутникъ путешествующимъ, освобожденіе плѣнныхъ, спасеніе заключенныхъ, тихая пристань плавающихъ! Освободи окованныхъ страстями, уврачуй болящихъ, запрети бѣсамъ и избавь отъ нихъ стужаемыхъ ими...⁴ и проч.

Многоименная проповѣдь!

Еще четыре святителя малоазійскіе извѣстны, какъ проповѣдники, именно, Григорій или Георгій митрополитъ Никомидійскій, Іоаннъ митрополитъ Евхаитскій, Константинъ епископъ Тіосскій, и Серафимъ митрополитъ Анкирскій.

17. Четыре Слова Георгія Никомидійскаго 1) о зачатіи пресвятой Богородицы, 2) о зачатіи Анны 3) о рождествѣ Богородицы и 4) Похвала ей въ праздникъ Введенія ея во храмъ, переведены порусски и напечатаны въ „Православномъ Со-

бесѣдникѣ“, издаваемомъ Казанскою духовною Академіею ¹⁾). Считаю излишнимъ перепечатывать ихъ здѣсь, но краткія извлеченія изъ нихъ сообщить не отказываюсь, желая познакомиться и другихъ познакомить съ названнымъ вѣтіею.

*Извлеченіе изъ Похвалы Богородицѣ въ праздникъ Введенія
ея во храмъ*

„Настоящее свѣтлое празднество Дѣвы устремило духъ нашъ къ ней самой и, придавъ нашему слову свѣжестъ прекрасной весны, превратило ненастье молчанія въ ведро краснорѣчія. Будемъ же внимательны и направимъ теченіе слова прямо къ ней, и увѣнчаемъ ее, каждый, по силѣ своей. Правда, мы не въ состояніи достойно увѣнчать ее даже всѣмъ вмѣстѣ; но постараемся восполнить это усердіемъ и превзойти другъ друга горячіею его. Какое въ самомъ дѣлѣ слово можетъ хоть сколько нибудь выразить превосходство Дѣвы? Восхваленія ея выше словъ нашихъ, и потому далеко оставляютъ за собою правила всякой похвалы. Вотъ и я, братія мои, пока еще не охватила меня сила любви, я премного обвинялъ рѣшавшихся восхвалять Дѣву, обвинялъ за такую рѣшимость. Но послѣ того, какъ оная сила возобладала мною, самъ я увлеченъ былъ тою же смѣлостію, какую имѣли многіе, и вмѣстѣ съ ними прошу извинить меня, опытомъ познавшаго, что увлеченіе—не неизвинительно; прочу если кому изъ васъ придетъ на мысль обвинять меня въ самонадѣянности, прошу думать не о высокомѣрной смѣлости, а о чрезмѣрной любви. Ибо ея сила повудила меня отважиться на это великое дѣло подъ предводительствомъ вѣры и при содѣйствіи надежды. Притомъ въ похвальныхъ Словахъ имѣется въ виду не слава восхваляемыхъ, а благочестіе хвалящихъ и слушающихъ. А если это

¹⁾ Георгій митрополитъ, а прежде хартофилаксъ и риторъ великой церкви Софійской, современникъ и другъ патріарха Фотія, въ 879 году присутствовалъ въ Константинопольскомъ Соборѣ, возведшемъ Фотія на патріаршій престолъ во второй разъ, а скончался въ началѣ десятиаго вѣка..

такъ, то займемъ настоящимъ праздникомъ и потрудимся надъ тѣмъ, о чемъ рѣшились говорить.

По одному человеколюбію Божію мы сотворены Богомъ изъ ничего, и получили заповѣдь проводить жизнь въ добрыхъ дѣлахъ, но по неразумію нарушили эту заповѣдь и добровольно обрекли себя на смерть. Создатель обѣщалъ освобожденіе; и обѣщанію этому надлежало исполниться. Время ожидало исполнителей. Проходили поколѣнія; слышны были пророчества; патріархи и всѣ праведные жили надеждою. Скончался Авраамъ и внуки его: имъ въ знаменіяхъ открыто было таинство дня (Іоан. 8, 56), и они жаждали увидѣть будущее событіе. Дивный Моисей думалъ, что въ его время должно исполниться то, что обѣщано и открыто прежде. Была надежда у Израиля въ пустынѣ; было ожиданіе во времена Судей; Самуилъ прорицалъ. Давидъ не разъ восклицалъ, что близокъ день. Сонмъ пророковъ громогласно проповѣдывалъ и возвѣщалъ, что Христосъ—у дверей. Но всѣ скончались, не увидѣвъ того, чего ожидали. Время уходило вмѣстѣ съ достойными. Но наконецъ оно нашло истинно достойныхъ, произшедшихъ отъ достойныхъ же и приготовленныхъ Создателемъ. Я говорю объ Іоакимѣ и Аннѣ, родившихъ виновницу исполненія ожиданій. Они положили начало осуществленію предсказаній. Отъ нихъ произошла Вивовница радости: изъ нихъ явился залогъ веселія. Они, какъ отменно добродѣтельные, паче всѣхъ были вѣдомы Творцу, какъ предузнанные и опредѣленные на служеніе Божіимъ таинствамъ. Проведши всю жизнь по заповѣдямъ, они достигли вершины совершенства, и потому удостоились того, что искони желали получить премногіе... Изъ ихъ естества СЛОВО удостоило себѣ скинію, и непостижимымъ для ума человѣческаго способомъ восприняло въ себя естество человѣческое, дабы обновить мышленіе и дѣятельность.

Найдутся, конечно, люди, которые возражать, говоря: если родители пресвятой Дѣвы были избраны Богомъ для сего, то почему они долго оставались бездѣтными, тогда

ПРОПОВѢДНИКИ ВЪ ПАТРІАРХАТѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ. 393

какъ предъопредѣлено было, чтобы таинство начало осуществляться чрезъ нихъ, и предвозвѣщено, что имѣющая послужить ему должна произойти отъ нихъ? Есть вѣрный отвѣтъ на сіе возраженіе. Вотъ онъ. Создатель всего Богъ, распоряжающійся будущностію, когда восхощетъ совершить что либо неизрѣченное, тогда не на обиліи природы основываетъ начала будущности, а устронетъ грядущее обильнымъ могуществомъ своимъ при недостаткѣ средствъ естественныхъ. Это особенно свойственно Богу: а согласное съ порядкомъ природы не можетъ быть предметомъ особеннаго удивленія. Такъ, обѣщавъ Аврааму, что размноженіе сѣмени его уподобится множеству звѣздъ и песку морскому, Онъ исполнилъ это обѣщаніе при безплодіи Сарры собственною силою. Такъ Онъ произвелъ Самуила. Такъ предпослалъ проповѣдника домостроительства Іоанна...

Анна даетъ Богу обѣтъ посвятить Ему имѣющее родиться отъ нея дитя и помѣститъ оное въ храмъ. Что это Анна? сказалъ бы я ей. Зачѣмъ забѣгаешь впередъ того, что еще имѣетъ быть? Къ чему быстротою духа предупреждаешь то, о чемъ только еще предвозвѣщается? Почему обѣщаніе привести то, чего еще нѣтъ, какъ будто оно уже въ рукахъ у тебя? Надлежало бы дожидаться, когда родишь, и уже тогда принести имѣющій произойти отъ тебя даръ Тому, Кто даровалъ его тебѣ; надлежало бы выждать, когда неизвѣстное будетъ близко къ осуществленію, дабы раннимъ обѣтомъ не подвергнуть себя опасности нарушить обѣтъ. О, вѣра праведниковъ! О, дѣйствіе великой духомъ матери! Она приняла вѣсть о будущемъ безъ всякаго сомнѣнія. Она нимало не подумала о неплодности своей, не заговорила о трудности необыкновеннаго дѣла, не смутилась въ душѣ мыслию о невозможности его. Не разсуждала про себя, какъ разсуждаютъ другіе: „не превратится ли откровеніе въ прельщеніе? не для того ли явился пришедшій съ доброю вѣстію, чтобы только ободрить душу? Вѣдь, возрастъ уже

отцѣлъ; цвѣтуція силы уже увяли отъ времени; вѣдъ, крѣпкіе члены уже близки къ распаденію; уже протекла большая часть жизни. Радость отъ чадородія вождѣльна въ годы молодые. Зачѣмъ же я прибѣгаю къ молитвѣ и обѣту?« Ни одной такой мысли Анна не ввѣдрила въ свою душу; но въ то самое время, когда возносила молитву свою и отъ явившагося ей узнала объ услышаніи ея, рѣшилась принести плодъ свой въ храмъ. Какое же слово можетъ восхвалить эту пламенную вѣру, чрезъ которую Анна получила просимое, не уязвивъ ума своего сомнѣвіями! Понстинѣ тутъ дѣйствовала вѣра, силою которой всѣ пророки вѣрили въ будущее, какъ въ настоящее...

„Ввѣрившись вѣрѣ, праведники не обманулись въ томъ, чего просили и ожидали. И раждаютъ они непорочную Споспѣшницу нашего возрожденія. О, славный плодъ! О, чадо доставившее родителямъ блага, превышающія умъ!...

„Анна, родивъ Богооткровицу, сзываетъ подругъ своихъ, говоря: „Придите, сорадуйте моему рожденію; придите, возвеселитесь со мною о моемъ разрѣшеніи; придите, посмотрите на чадо, сверхъ ожиданія питаемое мною. Придите, воззрите на лѣторасль, произрасшую изъ чреслъ неплодныхъ, и узнайте, что бездѣтная родила. Придите, разглядите плодъ поношеній своихъ и прославьте силу молитвы. Усердно стекайтесь, и предшествуйте ей во время шествія ея во храмъ. Украсьте сѣни; освѣтите входы, придайте шествію радостную торжественность свѣтильниками. Начинайте съ веселіемъ. Пойте брачныя пѣсни и ведите дитя во храмъ, какъ непорочную невѣсту. Исполните со мною обѣтъ мой Владыкѣ. Съ радостію вмѣстѣ со мною благодарите Господа за то, что Онъ отнялъ поношеніе отъ дома моего. Молитвы мои услышаны. Обѣтамъ моимъ конецъ. Вотъ я посвящаю рожденную въ домъ Божій по обѣщанію своему. Придите, войдите вмѣстѣ съ нею, и съобща представимъ ее Владыкѣ, какъ даръ пріятный“.

„Іоакимъ и Анна приносятъ ее въ храмъ, когда ей

исполнилось три года, приносить даръ, поистинѣ драгоцѣнный, достопокланяемый и для ангеловъ, самое лучшее хранилище благодати и свѣтопріемное вмѣстилище, изъ котораго возсіяли лучи спасенія для всей вселенной. Въ ней явилась сила Троицы: въ ней выказалось благоволеніе Отца; въ ней СЛОВО, вселившись, воспріяло естество наше; въ ней Духъ наитіемъ своимъ показалъ нераздѣльность Троицы. Черезъ нее міръ, раздѣлившійся, сдѣлался способнымъ къ единому Богопоклоненію.

„Нынѣ въ храмъ приводится Храмъ одушевленный, превышій небесъ и обширѣйшій всего сотвореннаго. Нынѣ въ храмъ помѣщается та, которая посредствомъ Рожденнаго ею возвратила въ прежнее жилище изгнанный изъ него родъ человѣческій. Нынѣ приводится въ храмъ непорочная агница, отъ которой родился Агнецъ Божій, взявшій грѣхи міра. Нынѣ чистая голубица, порхая внутри храма, спаслась отъ *ловца* злаго, ставъ выше сѣтей его. Нынѣ вмѣстилище св. Духа, помѣщаемое въ храмъ, готовится къ принятію Слова. И неприлично было, чтобы чистѣйшая скивія находилась среди нечистаго міра... Надобно было, чтобы свѣтозарная Святыня осталась непричастною грѣху. Надобно было, чтобы священные уши, долженствовавшіе слышать голосъ архангела, недоступны были рѣчамъ обольстительнымъ. Такъ чистѣйшая агница приведена была во храмъ. Потщимся и мы войти съ нею, неся съ собою дѣла, достойныя ея, и пойдемъ съ нею внутрь, украсившись разными добродѣтелями, да насладимся неизглаголанною славою ея о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, съ которымъ слава, держава, честь и поклоненіе Отцу и святому Духу во вѣки вѣковъ. Аминь“.

Что сказать объ этомъ Словѣ пастыря Никомидійскаго? Скажу, что въ немъ много говорливости, вмѣсто ожидаемой мудрой краткости.

18. ЮАННЪ, по прозванію Мавропусъ, родившійся въ Константинополѣ и тутъ обучавшій юношество, въ цар-

ствовавшие Алексѣя Комнина (1081—1118 г.) противъ воли почтенъ былъ саномъ митрополита Евхаитскаго. Имя его помѣщено между митрополитами, присутствовавшими на константинопольскомъ Соборѣ, бывшемъ при вселенскомъ патріархѣ Николаѣ въ 1092 году. Во дни помянутаго царя Богъ прославилъ Іоанна особеннымъ образомъ: ему явились святители, Василій великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустый, и повелѣли для прекращенія споровъ о первенствѣ кого либо изъ нихъ, праздновать память ихъ въ одинъ и тотъ же день. Церковь приняла это установленіе. А митрополитъ Іоаннъ, дожившій до начала 12 вѣка, написалъ два похвальныя Слова симъ тремъ іерархамъ. Первое начинается словами: *Τρεῖς με πρός τριώνυμον παρτρύουσι κινῶσι* — *Три поощряютъ меня къ трехъименному движенію*; а второе такъ: *Πάλιν Ἰωάννης ὁ πρὸς ὑμῶνται Χρῆστος* — *Наки Іоаннъ Златоустый*. Оба эти Слова въ рукописи находятся въ библіотекѣ Аѳоноватопедескаго монастыря, а второе Слово—въ Свѣто-троицкой обители на островѣ Халки близъ Константинополя и въ книгохранилищѣ Аѳонодохіарскаго монастыря.

Первое Слово, написанное не по правилу похвальныхъ Словъ, диѳурамбное, церковно-пѣсенное, сочинено или не Іоанномъ Евхаитскимъ, а вѣмъ либо другимъ, или вѣроятнѣе, составлено имъ какъ матеріалъ для стихирь и прмосовъ во славу трехъ святителей, такъ какъ сей писатель былъ пѣтъ стихирарный ¹⁾. Передаю начало сего Слова.

„Три поощряютъ меня къ трехъименному движенію. Эти три не заблуждались: и движеніе неуклонно. Ибо они приближаютъ (насъ) къ движенію простому и несложному, недвижимо движущему все (Богу). Кто же они? и каковы? Григорій—*бодренный умъ*, Василій—*царственная высота догматовъ*, и Іоаннъ—*благодатная ширина моря богодуховенныхъ писаній*. Первый отображаетъ умъ глубиною мыслей,

¹⁾ Читай о немъ въ статьѣ настоящей книги моеѣ подъ заглавіемъ *Стихирарные пѣтны*.

ПРОПОВѢДНИКИ ВЪ ПАТРИАРХАТѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ. 397

третій—слово широтою толкованій, второй—духъ изложеніемъ догматовъ Духа и проч. Но лучше прочтите сами замысловатую ягру мыслей и словъ этого Слова въ греческомъ подлинникѣ¹⁾, если сможете; а если нѣтъ, то прочтите еще мое извлеченіе изъ второго Слова Іоанна Мавропа.

„Паки Іоаннъ Златоустый, и паки блистательное у насъ торжество. Вотъ онъ третій послѣ того, какъ мы свѣтло отпраздновали Великому (Василію)²⁾. Но дабы не было и малѣйшей тѣни отъ того, что онъ празднуется позже равночестныхъ съ нимъ, для сего присоединимъ къ нему и ихъ. Кого? Свѣтильниковъ вселенной, тѣхъ двухъ, тѣхъ превосходныхъ, тѣхъ,—не знаю какъ и нарицать ихъ, Василия и Григорія, имена досточтимыя ангелами и человѣками... Соединимъ ихъ. Ибо у трехъ ихъ одна слава—Троица, одна цѣль—добродѣтель, одинъ подвигъ—утвержденіе и обезопасеніе колеблющагося благочестія, одно непрерывное

¹⁾ Τρεῖς μὲ πρὸς τριώνυμον παροτρύνουσι κίνησιν καὶ οἱ τρεῖς ἀπλανεῖς καὶ ἡ κίνησις ἐπαρέγκλιτος. πρὸς ἀπλὴν καὶ γὰρ κίνησιν ἀσύνθετον, ἀκινήτως κινουσαν τὰ πάντα, καὶ ἀδηγοῦσι καὶ ἐπαλείφουσι. Καὶ τίνες οὗτοι; καὶ ποῖον ὁ Γρηγόριος νοῦς, τὸ Βασίλειον τῶν δογμάτων ὄψος, καὶ τὸ Χαριτόβρυτον πλάτος θαλάσσης τῶν θεοπνεύστων γραφῶν. Τούτων ὁ μὲν νοῦν ἐκονίζει διὰ τὸ βάθος τῶν λόγων, ὁ δὲ λόγον διὰ τὸ πλάτος τῆς ἐξηγήσεως, ὁ δὲ πνεῦμα διὰ τὸ δόγμα τοῦ Πνεύματος· οἱ τρεῖς τὰ τρία ζωγραφοῦσι καὶ ἐκονίζουσι καὶ τὰ τρία δοξάζονται ἐν τρισὶ καὶ ἀντὶ δοξάζουσι μία τοίνυν τῶν τριῶν πέλουσα παντοδύναμος δόξα καὶ ἀκατάληπτος, τοὺς τρεῖς ταύτης θεραπευτὰς συνδοξάζει καὶ ἀνυφοῖ... οὗτοι τοιγαροῦν γνώμων εἰς τῆς ἁγίας τριάδος ὑπάρχοντες, ἐν γλώσσαις τρισὶ τὸ ἀπλὸν τῶν τριῶν καὶ φυσικὸν κηρύττουσι θέλημα, τὸ γνωμικὸν ὁμογνωμόνως καὶ σύνθετον ἐκ τούτων ἀποδιώκοντες καὶ σάβμαι τυγχάνοντες πανευθότατοι, τὴν ἀστάθμητον καὶ ἰσχνὴν Τριάδα ἀσταθμήτως ἐν τρισὶ σταθμίζουσιν ἰδιώματι, τὸ καμπύλον ἐκ ταύτης μακρὰν ἀποσκορακίζοντες καὶ ἀνίστον. γλώσσαις περιπνοῖ τρεῖς, τὸ ὁμόπνοον τοῦ ἀσέκτου πυρὸς κηρύττουσι μέλος, πορειδῶς πρότερον ἐξ αὐτοῦ στομωθεῖσαι καὶ τὸ τρίαιμπος καὶ τρίαιγιον ἐκρολπόζουσαι κράτος“. (καὶ οὕτως ἐφεξῆς μέχρι τέλους τῇ αὐτῇ ρύμῃ ἀεὶ βαίνων ἐπὶ τὸ προσκορῆστερον).
Что? Какова игра словъ? Умѣете передать ее порусски?—Сможете смягчить, или приличнѣе выразить изрѣченіе ἀποσκορῆσαι τὸ καμπύλον τῆς Τριάδος—устранить кривизну Троицы, усматриваемую въ ученіи еретиковъ? Не умѣете? Не можете? Такъ я не принимайтесь не за свое дѣло.

²⁾ Въ январѣ мѣсяцѣ 1 дня положень праздника Василию великому. 25 Григорію Богослову и 27 Іоанну Златоустому.

дѣло—спасеніе душъ, способствующее дѣлами и словами и всѣми способами. Три они равно величали Бога на землѣ, равно держали слово истины, равно рѣчами своими украшали собранія, церкви, память мучениковъ. Сказать ли еще что либо скромнѣе? Три они равно ущедрили насъ; да почитимъ же и мы благодѣтелей равно. Уравненіе и равное почитаніе ихъ есть цѣль нашего слова, предметъ настоящаго разглагольствія⁴.

Довольно. Слышна рѣчь умная и плавная. Далѣе Евхатскій витія разглагольствовалъ о богословствованіи, красно-рѣчии и примѣрномъ житіи трехъ святителей, которое есть наилучшая проповѣдь, припоминая чистоту ихъ душъ, святость тѣлъ, благонравіе, обходительность, безплотность, умерщвленіе страстей, безстрастность, защищеніе правыхъ догматовъ, претерпѣніе гоненій, раченіе о спасеніи другихъ. Это Слово по гречески напечатано въ Константинополѣ въ 1852 году стараніемъ и издивеніемъ учениковъ богословскаго училища великой церкви Христовой на островѣ Халки. Я имѣю его въ своей библіотекѣ. Вотъ заглавіе его: *Τὸ ὁμοῦ πατὴρ ἡμῶν Ἰωάννου μητροπολίτου Εὐχαΐτων τοῦ καὶ Μαυρόποδος ἐπιλεγομένου ἐγκώμιον εἰς τοὺς τρεῖς ἱεράρχας.*

19. Тіосскій епископъ КОНСТАНТИНЪ, во время оно, говорилъ своей паствѣ Слово объ обрѣтеніи мощей святой Евфиміи. Это Слово его я усмотрѣлъ въ рукописной Четь-Минеѣ греческой (мѣсяць іюль), XI или XII вѣка, писанной на пергаминахъ in 4° и хранящейся въ библіотекѣ Лавры Аѳонской. *Κωνσταντίνου ἀγιοτάτου ἐπισκόπου Τίου λόγος εἰς τὴν εὐρεσιν τοῦ λειψάνου τῆς ἁγίας Εὐφροσύνης.* Что касается города Тіоса, то онъ находился въ старой Лидіи, что въ малой Азій, близъ Смирны на взморьѣ. Онъ построенъ былъ какимъ-то Аѳамантомъ. Въ немъ родился поэтъ Анакреонъ¹).

¹) Tius Anacreontis poetae patria, ab Athamante quondam condita urbs Lydiae veteris fuit, Scyllace teste, imo in peninsula. Lydiae quoque eam

ПРОПОВѢДНИКИ ВЪ ПАТРІАРХАТѢ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМЪ. 399

20. Анкирскій митрополитъ СЕРАФИМЪ, жившій во второй половинѣ 18-го вѣка (его нѣтъ у Леквиена въ его Oriens Christianus) въ проповѣдяхъ своихъ изъяснялъ нѣкоторыя воскресныя зачала Евангелій. Эти проповѣди напечатаны въ Венеціи въ 1783 году подъ заглавіемъ: Πνευματικὴ κηθάρα, ἥτοι λόγοι εἰς μερικὰς τινας περιχοπὰς τῶν Κορίνθων τοῦ θεοῦ εὐαγγελίου παρὰ τοῦ μητροπολίτου πρώην Ἀγκύρας, Κορίνθου Σεραφεῖμ. 1783. Ἑνείησι, εἰς 4ο. Я въ бытность свою въ Венеціи въ 1854 году спрашивалъ ихъ у тамошнихъ книгопродавцовъ, но вмѣсто желанной книги получилъ нежеланное, *нѣтъ*.

Оставимъ малую Азію, и плавая по Средиземному морю, послушаемъ проповѣдниковъ на тамошнихъ островахъ, Кипръ, Родосъ, Евбею, Критъ, Кефалоніи, Венеціи, Корфу и Сициліи.

Епископъ Порфирій Успенскій.

Москва.

30 апрѣля 1879 года.

Въ Новоспасскомъ монастырѣ.

(Продолженіе будетъ).

assignat Herodotus, ab Ionibus fundatam. Pomponius Mela promontorium, in quo structa erat, describens, altera parte eo Smyrnaeum sinum efficit: inde latius abire in peninsulae faciem super angustias, hinc Teum, hinc Clazomenem.—Lequien. Oriens Christ. T. I. pag. 727.728.